

Дарья Вольская

Меня меня
КУПИТЬ

Дарья Вольская

Меня нельзя купить

<https://litres.ru/74212042>

Аннотация

Саша Андреева не ищет любви. Ее цель — удержать на плаву свою жизнь. На ее плечах — трое сыновей, дом, наполненный воспоминаниями, и издательство «Лидер», которое балансирует на грани краха. Пять лет она держится на собственной силе воли и памяти о Вадиме. Если она ослабит хватку, все рухнет.

Когда на пороге появляется Константин Орлов — хищник большого бизнеса, привыкший брать чужое без сожалений — Саша понимает: это не переговоры, а охота. Орлов предлагает деньги и "спасение", но на самом деле покупает право решать ее судьбу.

Она отвергает его и думает, что на этом конец. Но через полгода, на Черном море, на шумной конференции "Код успеха", Саша слышит его голос со сцены. Орлов снова рядом, и теперь игра идет по его правилам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	40
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	110
Глава 7	114
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Глава 1

Телефон нервно завибрировал на столе.
 — Алло.
 — Саш, у тебя на второй линии Константин Орлов, — сообщает Маша.
 — Скажи, что я занята.
 — Саша. — Она делает паузу. — Он звонит уже пятый раз за неделю.
 — Ну и что?
 — Скоро он просто перестанет звонить.
 — И что ты этим хочешь сказать? — мрачно уточняю.
 — В том, что на этой неделе мы платили зарплату из овердрафта. И мне неприятно это говорить, но у нас проблемы. Тебе нужно хотя бы выслушать, что он предлагает.

Я тяжело выдыхаю, провожу ладонью по лицу. Она права: у нашего издательского дома «Лидер» дела плохи. Когда-то нас было шестьсот человек, теперь еле держимся втрое меньшим составом. Крупные холдинги вроде «Орлов Групп» и другие конкуренты уже месяцами кружат вокруг нас, как волки, выжидая момент, когда можно будет вцепиться в горло.

Константин Орлов — глава департамента привлечения и личный враг всех слабых компаний на рынке. Он просто пиявка: подбирает бизнес на излете, разрывает на части, а потом, вкачав в него свои бесконечные деньги, делает очередной «успешный кейс». Главная змея в террариуме. Питается чужими слабостями и получает за это миллионы в год. Бога-

тый, избалованный гад — умный до жестокости и абсолютно без совести. Все, что я ненавижу в бизнесе, в нем собрано идеально.

— Просто послушай, что он скажет. Всего-то. Ты не знаешь, что он может предложить, — Маша не сдается.
 — Да брось. Мы обе прекрасно знаем, чего он хочет.
 — Саш, пожалуйста. Ты не можешь потерять дом родителей. Я этого не допущу.

Тепло и боль накрывают одновременно; ненавижу, что вообще довела себя до такой точки.
 — Ладно, — сдаюсь. — Я его выслушаю. Но только это.
 — Назначаю встречу?
 — Назначай.
 — Отлично!
 — Не радуйся раньше времени. — Криво усмехаюсь. — Я делаю это исключительно, чтобы ты от меня отстала.
 — Считай, отстала. Молчу-молчу, честное слово, — смеется она.
 — Если бы еще это было правдой... — Я тоже невольно улыбаюсь. — Ты поедешь со мной?
 — Конечно. Мы засунем банковскую карту господина Орлова туда, куда солнце не заглядывает.

Я хихикаю:
 — Договорились.

Я бросаю трубку и возвращаюсь к отчету, мечтая только об одном: вот бы уже была пятница, и хотя бы пару дней можно было не думать ни о «Лидере», ни о счетах. Впереди всего четыре длинных дня.

В четверг утром мы с Машей бодро шагаем по улице — навстречу неизбежному.
 — Напомни, зачем мы вообще

встречаемся именно здесь? — бурчу я.
 — Он настоял на нейтральной территории. Забронировал столик в «Тверская Гриль Хаус», — отвечает она.
 — Странно как-то. Это же не свидание, — фыркаю.
 — Уверена, это часть его гениального плана. — Маша театрально очерчивает руками радугу в воздухе. — «Нейтральная территория». — Глаза округляет для пущей иронии. — Пока он пытается нас понять во всех смыслах.
 — С широкой улыбкой на морде, — ухмыляюсь я. — Надеюсь, хоть приятно будет.

Маша прыскает со смеху и мгновенно переключается в режим тренера:
 — Так, вспоминаем стратегию.
 — Помню.
 — Проговаривай вслух. Чтобы и я запомнила, — хмыкает она.

Я усмехаюсь. Маша иногда такая дурочка. Очень обаятельная дурочка.
 — Держу себя в руках, не даю ему меня вывести. Не говорю жесткое «нет» — оставляю в резерве как страховку.
 — Вот, уже похоже на план.
 — Еще бы. Это ж ты придумала.

Подходим к ресторану, останавливаемся за углом. Достāju пудреницу, поправляю помаду. Темные волосы в небрежном пучке. Темно-синий брючный костюм, кремовая шелковая блузка, лодочки на каблуке, жемчужные серьги — скромно и строго. Мне нужно, чтобы он видел во мне равного, а не легкую добычу.
 — Нормально выгляжу? — спрашиваю.
 — Огонь, — уверенно заявляет Маша.

Настроение тут же падает.
 — Мне не «огонь» нужен,

Маша. Я должна выглядеть «железной леди».
 Она хмурится и входит в роль:
 — Самая железная леди. — Сжимает кулак, стучает по ладони. — Режим «леди с яйцами».

Усмехаюсь, глядя на подругу: ярко-красный ежик, торчащий в панковском стиле, розовые «кошачьи» очки. Красное платье, поверх желтая рубашка, колготки и туфли в тон. Жутко модная. Маша — моя лучшая подруга, правая рука и самый верный солдат в компании. Пять лет не отходит ни на шаг. Без нее я бы давно утонула.

Она вскидывает взгляд:
 — Готова?
 — Да. На двадцать минут раньше срока — специально, чтобы прийти первыми и взять верх.
 Плечи у нее опускаются:
 — Когда я спрашиваю «готова?», ты должна отвечать: «С рождения».

Я просто отталкиваю ее плечом:
 — Пошли, разберемся.

Расправляем плечи, собираемся с духом и заходим в холл. Официант улыбается:
 — Добрый день, дамы. Чем могу вам помочь?
 — Эм... — смотрю на Машу. — Мы встречаемся здесь с человеком.
 — С Константином Орловым? — уточняет он.

Хмурюсь. Откуда знает?
 — Да... все верно.
 — У него отдельный зал наверху, — кивает на лестницу.
 — Ну конечно, — бурчу под нос.

Маша кривит губы, и мы поднимаемся. Верхний этаж пустой. Оглядываемся — и я замечаю мужчину на балконе с

телефоном. Темно-синий костюм сидит как влитой, рубашка белая-белая, фигура высокая, мощная. Темно-каштановые волосы чуть длиннее сверху, с легкой волной. Выглядит как модель для глянца, а не как акула, рвущая чужие компании в клочья.
 — Офигеть... какой секс, — шепчет Маша.
 — Заткнись, — сиплю я, в панике оглядываясь. — Веди себя нормально, пожалуйста.
 — Ладно-ладно. — Она легонько толкает меня кулаком в бок, я отвечаю тем же.

Он оборачивается, широко улыбается и поднимает палец — мол, минутку. Я натягиваю вежливую улыбку, он отворачивается, заканчивая звонок, а я тем временем прожигаю его спину взглядом. Еще и заставляет ждать.
 — Не разговаривай, — шепчу.
 — А свистнуть можно? — таким же шепотом спрашивает Маша, бесстыже оглядывая его с ног до головы. — Хочу этому козлу выдать такой свист, чтобы стены задрожали.
 Тру переносицу пальцами. Все, приплыли.
 — Просто помолчи, пожалуйста.
 — Все, все. — Маша делает вид, что застегивает рот на молнию.

Он заканчивает разговор и идет к нам — уверенность в каждом шаге. Широко улыбаясь, протягивает руку:
 — Здравствуйте. Константин Орлов.

Пожимаю ладонь. Большая, теплая, сильная — по коже пробегает ток, слишком явно намекая на его сексуальность. Бесит. Машинально отступаю на шаг — не хватало, чтобы он заметил.
 — Александра Андреева. Рада познакомиться. — Киваю на подругу: — Мария Смирнова, моя ассистент-

ка.
 — Приятно познакомиться, Мария, — он кивает ей.
— Прошу, садитесь.

Сажусь, чувствуя, как сердце колотится в горле. Отлично. Как будто нервов было мало, так он еще и до неприличия привлекательный.
 — Кофе? Чай? — показывает на столик с угощением. — Я себе позволил заказать кофе-брейк.
 — Кофе со сливками, — отвечаю.
 — Мне так же, — подхватывает Маша.

Он аккуратно наливает, придвигает пирожные. Я стискиваю зубы, чтобы не ляпнуть что-нибудь, и наконец он садится напротив. Одной рукой расстегивает пиджак, откидывается на спинку — расслабленный, уверенный до тошноты. Взгляд останавливается на мне.
 — Рад наконец познакомиться, Александра. О вас много говорят.

Приподнимаю бровь. Голос низкий, хрипловатый — откровенно сексуальный. Раздражает.
 — Взаимно, — сухо бросаю.

Опускаю взгляд: запонки — оникс в золоте, часы явно не из масс-маркета. Деньги так и прут. Парфюм тянется через стол — стараюсь не вдыхать, слишком притягательный. Маша сидит с идиотской улыбкой, не отрывая взгляд. Полностью под гипнозом.
 Просто прекрасно.

Он откидывается еще удобнее:
 — Как неделя?
 — Нормально, спасибо, — терпение на исходе. — Давайте сразу к делу, Константин Владимирович.
 — Константин, — поправляет он.
 — Константин так Константин.

— Щурюсь. — Зачем вы так рвались на эту встречу? Что такого срочного, что звонили по пять раз в неделю месяц напролет?

Лениво проводит пальцем по губам — явно забавляется — и смотрит прямо в глаза:
 — Я давно присматриваюсь к «Лидеру».

Снова поднимаю бровь.
 — И что наглядели?
 — Каждый месяц штат тает.
 — Оптимизируем.
 — Не по своей воле.

Что-то в его словах заставляет все внутри меня сжиматься.
 — Мне неинтересно то, что вы предлагаете, Константин Владимирович, — резко отрезаю.

В этот миг под столом прилетает удар по щиколотке — больно до слез. Скосив взгляд, ловлю Машин сигнал: глаза навывкате, мол, заткнись немедленно.
 — С чего вы взяли, что я собираюсь что-то предлагать? — он говорит спокойно, даже с ленцой.
 Сколько раз он уже проговаривал это на автомате?
 — Разве нет?
 — Нет, — отпивает кофе. — Хочу купить вашу компанию, но «бесплатные билеты» не раздаю.
 — Халява не ваш конек, значит, — хмыкаю.

Маша пинает снова — теперь так, что дыхание сбивается. Бросаю на нее убийственный взгляд, она растягивает губы в фальшивой улыбке и беззвучно лепечет: «Счастье-радость».
 — И что входит в ваш «не бесплатный билет», Константин Владимирович?
 — Константин, — поправ-

ляет он.
 — Буду называть вас, как захочу.

Он медленно улыбается — явно кайфует от процесса:
 — Вижу, вы женщина с характером. Это достойно уважения... но давайте по-честному.

Прикусываю губу, заставляя себя заткнуться.
 — Три года ваша компания в минусе. Реклама уходит пачками. — Кончики пальцев упирает в висок, взгляд не отпускает. — Догадываюсь, что у вас в отчетах.

В горле ком, но глаз не отвожу.
 — Могу забрать все с ваших плеч. А вы наконец выдохнете и возьмете отпуск — давно заслуженный.

В ушах шумит кровь.
 — Вы бы рады, да? Въехать на белом коне, поиграть спасителя, забрать мое все под видом помощи.

Он смотрит в упор, уголки губ чуть дрожат.
 — Держусь за компанию до последнего, — выплевываю. Еще один пинок — вскакиваю от неожиданности. — Хватит меня пинать, Маша!

Константин расплывается в улыбке, переводя взгляд с нее на меня:
 — Пинайте дальше, Мария. Может, хоть так до нее дойдет здравый смысл.

Закатываю глаза — щеки горят. Отлично, ассистентка выбивает мне кости на глазах у противника.

Он подается вперед, голос твердеет:
 — Александра, давайте сразу проясним. Я всегда беру что хочу. А хочу я «Лидера». Могу купить сейчас — по цене, которая вас при-

кроет. Или... — пожимает плечами, — подожду полгода, пока не войдут ликвидаторы, и скуплю за копейки. А вы останетесь банкротом. — Сплетает пальцы на столе. — Развязка близко, мы оба это знаем.
 — Самовлюбленный ублюдок, — шепчу.

Он чуть задирает подбородок, почти горделиво улыбаясь:
 — Хорошие ребята финишируют последними, Александра.

Сердце колотится чаще — гнев накатывает волной.
 — Подумайте, — спокойно добавляет и достает визитку, плавно толкая ее ко мне по столу.

Орлов Константин Владимирович
 И номер мобильного.

— Понимаю, не так вы хотели продавать компанию. Но пора смотреть в лицо фактам, — продолжает он ровно.

Смотрю на него — холодный, безжалостный — и чувствую, как эмоции подкатывают к горлу.
 Взгляды сцепились.
 — Соглашайтесь на это предложение, Александра. Цифру пришлю сегодня. О вас позаботятся.

Что-то внутри лопается, подаюсь вперед:
 — А память мужа кто сохранит, Константин Владимирович? — шиплю. — Ваш холдинг — точно нет.

Он поджигает губы — впервые дрогнул.
 — Вы хоть что-то знаете обо мне и компании?
 — Знаю.
 — Тогда вам известно: это дело всей жизни Вадима. Десять лет с нуля. Мечтал передать сыновьям.

Он снова смотрит не мигая.
 — Так что... даже не вздумайте, — со всей силы бью ладонью по столу, слезы уже жгут глаза, — сидеть тут с этой самодовольной ухмылкой и шантажировать меня. Потому что, поверьте, Константин Владимирович, ваши угрозы — ничто по сравнению с тем, каково терять его.

Вскакиваю.
 — Я уже прошла через ад и обратно. И не позволю какому-то богатому избалованному ублюдку заставить меня чувствовать себя ничтожеством.

Он лишь проводит языком по губам — не впечатлен.
 — Больше не звоните, — отрезаю, резко отодвигая стул.
 — Подумайте, Александра.
 — Да пошли вы, — бросаю и быстрым шагом иду к двери.
 — Она просто... Был тяжелый день, но мы подумаем, честно! — тараторит Маша, краснея. — Спасибо за пирожные, очень вкусно было.

Пальцы дрожат от злости, вытираю слезы, слетаю по лестнице и вырываюсь на улицу. Не верится, что я так сорвалась на людях. Слезы снова наворачиваются. Ладно хоть не проглотила молча.

Маша догоняет, запыхавшись. Молчит какое-то время, оглядывается по сторонам и вдруг решительно выдает:
 — Плевать на офис, Саш. Давай сегодня не возвращаться. Просто пойдем и нажремся.

Константин

Стою у панорамного окна, смотрю на Москву. Руки в

карманах брюк, а в желудке жжет что-то новое, непонятное.
Александра Андреева.
Красивая. Умная. Эффектная.
Три дня прошло с нашей встречи, а как ни пытаюсь — не выходит выкинуть ее из головы.
Как она выглядела, как пахла, как шелк блузки обнимал линию груди.
Огонь в глазах.

Самая красивая женщина за последнее время. А ее слова крутятся в голове заезженной пластинкой: «Так что... даже не вздумайте сидеть тут с этой самодовольной ухмылкой и шантажировать меня. Потому что ваши угрозы — ничто по сравнению с тем, каково терять его. Я уже прошла через ад и обратно и не позволю какому-то богатому избалованному ублюдку заставить меня чувствовать себя ничтожеством».

Опускаюсь в кресло, верчу ручку в пальцах, мысленно репетирую предстоящий разговор. Нужно позвонить, обсудить итоги — и от одной мысли внутри все сжимается. Тяжело выдыхаю, набираю номер.

— Офис Александры Андреевой.
— Здравствуйте, Мария, это Константин Орлов.
— О, здравствуйте, Константин!
— в голосе радость.
— Вам Александру?
— Да. Свободна?
— Сейчас переключу.
— Спасибо.
Жду.

— Алло, Александра Павловна, слушаю.

Закрываю глаза от ее голоса — хрипловатого, теплого, до безумия манящего.

— Здравствуйте, Александра. Это Константин.
— О.
— Тишина.

Маша не предупредила. По костям разливается непривычное ощущение.

— Хотел узнать, как вы после нашей встречи. Если задел — простите. — Морщусь. Орлов, что за чушь ты несешь? Не по плану.
— Мои чувства — не ваша забота, Константин Владимирович.
— Константин, — поправляю автоматически.
— Чем помочь? — резко, нетерпеливо.

Голова на миг пустеет.

— Константин? — подталкивает она.
— Хотел спросить... не поужинаете ли со мной в субботу? — Закрываю глаза. Что я, блин, творю?

Молчит. Потом выдает удивленное:

— Вы зовете меня на свидание?

Кривлюсь.

— Мне не понравилось, как мы познакомились. Хотел бы начать заново.

Холодный смешок свысока:

— Шутите? Я бы не пошла с вами, даже если бы вы были последним мужчиной на земле. — Тише: — Деньги и внешность на меня не действуют, Константин Владимирович.

Прикусываю губу. Больно до злости.

— Тогда это был просто бизнес, Александра.
— Для меня — вовсе нет. Это мое личное дело. Найдите себе куклу для ресторанов. Я не собираюсь встречаться с холодным

душевыжимателем вроде вас.

Щелчок — сбросила.

Смотрю на телефон в руке. Адреналин бьет в кровь от ее тона.
Ошарашен? Впечатлен? Наверно, и то, и другое.
Никто меня еще так не посылал. И уж точно не в таком тоне.

Поворачиваюсь к ноуту, открываю поисковик, набираю:
«Кто такая Александра Андреева»

Глава 2

Шесть месяцев спустя

Перечитываю приглашение в который раз.
КОД УСПЕХА.
Боже, ну что за чушь.
Хуже не придумать — разве что семинар «Полюби себя за три дня». Все тело кричит: не надо ехать.

— По-моему, это как раз то, что тебе нужно, — говорит Маша.

Поднимаю взгляд на подругу — она уже в режиме коуча, упорно вытаскивает меня из трясины. Знаю, добра желает, но перегибает.

— Маш, честно. Если ты веришь, что мотивационная ту-совка с кучей отбитых поможет, ты еще безумнее меня.

— Перестань. Будет огонь. Уедешь, перезагрузишься, вернешься — и компания, жизнь, все встанет на места.

Закатываю глаза.

— Давай хотя бы признаем: надо менять настрой, — мягко настаивает она, плюхаясь на край стола.

— Может, — выдыхаю, чувствуя, как руки опускаются.

— И выжатость — не твоя вина. Смерть мужа, трое пацанов, война за компанию. Ад. Пять лет ты не вылезала из этого пекла после Вадима.

— Обязательно было вслух? Еще мрачнее стало, — взды-

хаю тяжелее.

В дверь стучат.

— Войдите.

На пороге Влад — улыбается во всю ширь:

— Обед, дамы? — переводит взгляд на Машу. — Привет, Маш.

— Привет, — она глупо улыбается.

Я тоже невольно улыбаюсь:

— Владислав Артемьевич. Рановато. Обед через час.

— Встреча раньше закончилась, и я проголодался. Пойдем сейчас.

Вздыхаю. Тут без вариантов.

Скольжу взглядом: высокий, смуглый, темные глаза, костюм как вторая кожа. В Питере — рок-звезда, для меня — друг. Знал Вадима, нашел меня после похорон. У него огромный бизнес, офис рядом. Советы дает, болтаем за обедом. Между нами ничего — чисто платонические отношения. Но когда он наклоняется ближе, тепло его тела становится слишком ощутимым. Приходится напоминать себе: он дает мне опору.

— Влад, скажи Саше: на конференцию надо, — Маша вздыхает.

Он хмурится, переводя взгляд:

— Саша, надо ехать на конференцию, — монотонно. — А теперь суши ждут.

Маша ловит мой взгляд:

— Пожалуйста. Это целая неделя в Сочи. Отключись. Детей — бабушке, няне. Офис закрою. Все переживем. Оживись хоть немного.

Шумно выдыхаю, но внутри себя знаю: дальше так продолжаться нельзя. Жизнь стала похожа на серый коридор, в котором я хожу туда-сюда с опущенной головой. Былая легкость сменилась раздражением и усталостью. Иногда злюсь на Вадима за хаос — ругаю про себя, будто он может меня услышать. Потом накатывает вина: да он бы все отдал, чтобы сыновей увидеть. Он не выбирал уйти.

Жизнь бьет ниже пояса. Без предупреждения. Хорошие уходят рано. А лучшие? Почему его забрали?

— Поезжай на тренинг, — Маша не сдастся. — Обед — после согласия.

— Давай быстрее, женщина. Все, она едет, — Влад сворачивает тему.

Я не двигаюсь, он вымученно вздыхает и падает на диван.

— Знаешь, мотивационную сектантщину не перевариваю, — бормочу, собирая папки. — Новый уровень безумия.

— Тебе как раз безумие нужно. «Без денег совсем» — хуже, — Маша вздыхает.

Криво усмехаюсь.

— Факт, — лениво поддакивает Владислав, не отрываясь от телефона.

Разбираю бумаги. Да, факт. Безденежье — не вариант. Сажусь, смотрю на полную надежд Машу.

— Поезжай, голову переагрузи. Роза Хутор в Сочи, на минуточку. Красивее не бывает. Спишется как развитие — или это, или налог. Массаж ежедневно, вечером по два бокала вина в коттедже — и спать в блаженстве, — расписывает она.

— Роза Хутор — огонь, — невпопад бросает Владислав.
— Поехал бы уже ради вида из окна.

— Был там? — удивляюсь.

— Пару раз. Летом с Софией ездили, — пожимает плечами. — Она обожает это место.

Представляю себя одну в номере: белые простыни, тихий кондей, без детского гама и отчетов. Пять лет никуда не выезжала.

— Ужин с шампанским... заманчиво.

— Конференция скучная — забей, живи неделю для себя. Ты выжжена, Саш, и пора разжигать огонь внутри тебя заново, — Маша не сдается, глаза горят, как у охотника, почувявшего добычу.

Влад встает, потягиваясь:

— Все, хватит базарить. Пошли, я с голоду помру.

Я снова тяжело вздыхаю, уставившись в чашку с остывшим кофе.

— Поезжай ради меня, а? — Маша берет за руку, хлопает ресницами, изображая щенка из рекламы. — Пожалуйста-пжалуйста. Представь: отели, лекции, новые лица... а может, и горячий лектор с прессом.

Не отстанет, пока не дождет.

— Ладно, — сдаюсь наконец, откидываясь на стуле. —
Поеду. Но если будет скука смертная, вернусь через день.

Маша визжит, спрыгивает со стола, хлопает в ладоши:

— Ура! Будет супер, увидишь! Парикмахер, спа, шопинг
— полный комплект! — Уже у двери, выхватывая телефон:
— Беру билеты, пока не передумала!

Закатываю глаза, хватаю сумку:

— Уже жалею. Сильно.

— А я в восторге! — машет руками и вылетает из кафе,
оставляя за собой шлейф духов.

— Идем? — Влад смотрит выжидающе, держа дверь.

— Идем. Только не доставай меня по дороге, — бурчу,
вставая.

— Ладно-ладно. — Распахивает шире. — Выбирай ресторан только шустрее, а то свалюсь в голодный обморок прямо на тротуаре.

В кафе за обедом мы уже обсуждаем завтрашний тренинг. Маша сидит напротив с бокалом вина и методично сверяется с ежедневником.

— Давай по пунктам, — отпивает глоток, перелистывая страницы. — Чемоданы собраны?

Киваю, жуя салат.

— Угу, галочка. Волосы — стрижка, укладка, все готово. Встречи перенесены, клиенты предупреждены, — бормочет

она, делая пометки.

Доедаю, смотрю в тарелку — от недели ноль восторга, только усталость накатывает.

— Оу, — хмурится, поднимая взгляд. — Эпиляцию сделала? Лазер? Бикини, подмышки — все как положено?

Закатываю глаза до упора:

— Маша, серьезно?

— Там куча горячих вариантов, грех упускать, — многозначительно подмигивает, наклоняясь ближе. — Лекторы, участники... представь: мускулистый иностранец в костюме, а под ним...

— Издеваешься? — перебиваю серьезно, ложка звякает о тарелку. — Отправила, чтоб я там переспала с кем-то? Я в трауре, а не в эре беспорядочных связей.

Лицо у нее смягчается. Она откладывает блокнот, берет мою руку в свои — теплые, надежные:

— Саш, но ты не замужем. Пять лет прошло с тех пор, как... — пауза, голос тише. — Вадим бы не хотел, чтоб ты одна осталась навсегда. Сидела в углу, как монашка.

Опускаю взгляд в тарелку, вилка замирает. Ком в горле растет, давит.

— Хотел бы, чтоб жила за двоих. Полной жизнью. Чтоб тебя любили, заботились, — продолжает она мягко, сжимая пальцы.

Кладу вторую руку на колени — чтоб не дрожали. Грудь сжимается.

— Просто... — голос срывается, еле выдавливаю.

— Что? — наклоняется ближе.

— Не верю, что смогу дальше, Маш. Какой мужчина до Вадима дотянется? Он был... идеальным.

— Никто его не заменит. Он — муж. Навсегда. — Мягко улыбается сквозь мои слезы. — Я не говорю забыть его, вычеркнуть. Сходи на свидания. Вспомни, как радоваться мелочам. Как смеяться, чувствовать прикосновения... жизнь.

— Может, схожу, — вру, вытирая щеку.

— Сними кольцо или надень на другую руку, — тихо советуем. — Мужики стороной обходят: думают, ты замужем, неприкосновенна.

От ее слов горячие слезы снова моментально выступают на глазах.

— И меня это устраивает. Полностью. Безопасно.

— Вадима — нет, — голос твердый, глаза в глаза. — Он найдет тебе достойного — подкинет с небес. Но будь готова, Саша. Не прячься.

Смотрю на родную подругу сквозь слезы на ресницах, мир плывет.

— Он с тобой. Навсегда. Пусть теперь ангелом будет, а не цепью на ноге. Отпусти... чуть-чуть. Живи. Пока можешь.

Взгляды цепляются, секунды тянутся. Опускаю голову в тарелку — аппетит пропал наглухо, кусок не лезет.

— Ладно, — Маша решительно хлопает ладонью по столу, меняя тон. — Запишу тебя на лазер сегодня вечером. Пол-

ный пакет: бикини, ноги, руки. Будешь как с иголки.

Беру вилку, ковыряю салат:

— Одним лазером не обойтись. Только мачете подойдет. Пять лет в культе естественности — там целый лес вырос.

Она прыскает в кулак, давясь вином:

— Этот лес — под корень! Без пощады. Завтра будешь сиять, как модель.

Улыбаюсь сквозь слезы — только она может так поднять настроение. Но внутри все еще болит, как открытая рана.

Подъезжаю к дому — и резко торможу, замирая на обочине. Сердце сжимается, как в тисках.

Наш.

С Вадимом ремонт делали вдвоем, ночами не спали. «Для старости, Сашенька, — говорил он, втирая краску в стены. — Чтоб внуки бегали, чтоб смех во всем доме был». Угол рая в Жуковке, под Москвой. Он настаивал: «Детям надо быть ближе к природе. Я в душной хрущевке вырос — хватит. Пусть сыновья в лесу носятся, воздухом дышат — бегай, играй, падай, вставай, синяки собирай». Участок купили, дом построили с нуля. Ничего пафосного: теплое дерево со всех сторон, терраса обходит кругом, как объятие, гараж на две машины, баскетбольное кольцо у самых ворот — чтоб пацаны сразу в игру. Четыре спальни, две гостиные, кухня в стиле кантри с массивным столом, за которым мы завтракали всей оравой.

В каждой детали здесь — Вадим. Мог бы купить готовый

особняк в Подмоскowie с бассейном и фонтанами, но выбрал наше гнездышко со смехом, топотом босых ног, запахом блинов по утрам. Таким этот дом для нас и был: живым, теплым, полным.

Воспоминания накрывают, как волна. То самое утро: стук в дверь — тяжелый, чужой. Полицейские на пороге, лица каменные.

— Александра Андреева?

— Да...

— Сожалеем. Авария на трассе. Ваш муж...

Часы тянулись вечность. Помню каждую секунду: их слова — сухие, как протокол, тяжелое дыхание в тишине, форму на них, кофе в моей руке, который так и не допила. Сердце рвалось на куски, воздух кончился.

Вижу себя в морге: стою над ним, глажу спутанные волосы, шепчу к остывшим губам клятву — «Вытащу детей, любимый. Продолжу твоё дело, сохраню все мечты. Люблю тебя. До конца. Всегда». Слезы жгли глаза, но я держалась — ради мальчишек.

Лицо кривится сейчас, в машине, глаза режет — резко моргаю, возвращаюсь. Трясина подступает: удержишься в воспоминаниях — и теряешь его заново, боль вспыхивает, как свежая.

Оболочка пустая: тело работает на автомате — улыбается клиентам, подписывает бумаги, готовит ужин, читает сказки. Внутри — еле дышит, сжимается в комок.

Задыхаюсь в обязанностях. Клятвы после смерти мужа обходятся слишком дорого — платой стала жизнь вполонину. Ночью не выхожу в свет, не общаюсь, пашу до упора: дома — дети, офис — компания. Держу мечты, сыновей, бизнес на плаву. Одна, в пустоте, со страхом в груди — вдруг не потяну? Иногда просто хочу: пусть войдет в дверь, как раньше, обнимет, заберет всю тяжесть. «Все хорошо, Саш. Я здесь».

Слова Маши сегодня эхом отдаются:
 Он — муж. Навсегда. Сходи на свидания. Вспомни, как радоваться мелочам. Как смеяться, чувствовать прикосновения... жизнь.

Глубоко внутри знаю: права она, подруга родная. Эта мелодия навязчивая броню грызет потихоньку, не отпускает.

Смотрю в пустоту за лобовым стеклом — накрывает сновом, тяжело.

Не вернется.
 Никогда.

Прошло пять лет, а легче не становится. Только острее осознание: жизнь уходит, а я стою на месте.

Еще недавно жизнь без него казалась невозможной — сплошной черной дырой, в которую все проваливается без следа. До сих пор не представляю, как дышать в этом мире без Вадима. И учиться этому не хочу — упрямо цепляюсь за воспоминания, как за спасательный круг.

Опускаю взгляд на кольца — обручальное и помолвочное, сплетенные в одно. Сжимаю пальцами так сильно, будто могу навсегда прирастить их к коже, сделать частью себя. Это

последние осколки нас: золотой блеск, потертый от времени, гравировка внутри — «Вечно твой». Готовлюсь к невозможному, сердце колотится, как перед прыжком в пропасть.

Сквозь слезы моргаю — мир плывет, размытый, соленый. Грудь давит коркой боли, тяжелой, как бетонная плита, не дает вдохнуть полной грудью. Медленно, дрожащими пальцами стаскиваю кольца. Они цепляются за костяшку — годы ношения сделали след глубоким, — но наконец соскальзывают с тихим шорохом, оставляя кожу голой, уязвимой.

Сжимаю кулак — рука вдруг легкая, чужая, не моя. Бледный след на безымянном пальце — белое кольцо кожи, не тронутое солнцем за эти пять лет. Его метка, вечная, как татуировка. Не нравится рука без кольца. Выглядит обрубленной, незаконченной.

Не нравится жизнь без его любви — без утренних поцелуев в щеку, без «Саш, ты моя королева», без сильных рук, что обнимали сзади на кухне, пока я жарила блины. Переполненная до краев — горем, воспоминаниями, тоской, — опускаю лоб на руль. Кожа холодит металл, слезы капают на джинсы, оставляя темные пятна. Впервые за годы позволяю просто плакать. Без наигранной силы для детей, коллег, самой себя. Рыдаю в одиночестве машины, содрогаясь всем телом, пока слезы не иссякают, оставляя только выжженную пустоту внутри.

Забрасываю последние туфли в чемодан. Завтра на конференцию.

— Кажется, все.

— Щетку взяла? — Павлик лежит на животе у кровати, рядом с чемоданом. Младший — главный контролер, ничего не забывает.

— Нет еще. Почищу утром, закину.

— Ладно.

— Бабушка встретит после школы, помнишь?

— Знаю, — закатывает глаза. — Звонить сразу, если Гриша чудит или Даня орет. — Вдыхает, повторяя мои правила.

— Верно. — Братья не в курсе: Павлик — мой осведомитель. Все знаю заранее.

Трое сыновей. Дане семнадцать — телохранитель по званию. Грише тринадцать — либо нобелевка, либо зона. Генний хаоса, особенно в школе.
 Малышу Павлику девять. Нежный, разумный — антипод братьев. Тревожусь за него сильнее. Ему было четыре, когда отец ушел. Больше всех потерял. Почти его не помнит.

Зато в его комнате осталось фото Вадима. Павлик дважды в день истории о нем просит. Сидит, улыбается, выпитывает. Знает папины блюда в ресторанах — заказывает то же. Спит в его футболке. Я тоже... молчу.

Боюсь этих историй. Смеемся, шутим. Дети спят спокойно, а я в темноте прокручиваю сцены.
 Мечтая пережить заново.

Вадим с нами — не в теле.
 Мертв ровно настолько, чтоб одиноко было... жив настолько, чтоб дальше шагнуть

— предательством.
 Застряла посреди. Между раем и адом.
 Влюблена в мужа-призрака.

— По списку, — продолжаю. — Читай.

— Дели?... — хмурится, впиваясь в буквы.

— Деловая одежда.

— Точно! — довольно улыбается.

Взъерошиваю темные вихры.

— Есть.
 Галочка.

— Повсед...

— Повседневная?

Кивает.

— Есть.

— Пижама! — восторг. — Знаю!

— Мой герой. Взрослеешь, читаешь.

Дислексия — каждое слово битва. Но мы побеждаем. Заглядываю:

— Пижамы на месте.

— Обувь?

— Есть.

— Фен...

— Фен.

— Есть.

— Платья.

Надуваю щеки, поворачиваюсь к шкафу.

— Так, что по платьям? — перебираю вешалки. —
Сплошной «выйти в свет». Для работы и конференций —

ничего... хм.

Достаю черное, прикладываю к себе, смотрю в зеркало. Ткань мягко облегает талию, подчеркивает грудь — слишком вечернее, но сойдет.

— Красивое, — мечтательно говорит Павлик. — С папой в нем куда ходили?

— Ну... — хмурюсь, не вспоминая. Придумываю на ходу, как всегда: — Пиццу ели. Потом танцевали.

Глупо улыбается, представляя.

— Какую пиццу?

— Пепперони.

Глаза загораются.

— Сегодня пиццу можно?

— Хочешь — да.

— Ура! — кулак вверх, слетает с кровати. — Ребята, пицца сегодня! Я буду пепперони, как папа! — несется к братьям.

Грустно улыбаюсь вслед. Разочаровался бы: Вадим брал с анчоусами и жгучим перцем.

Кидаю пару платьев в чемодан — подойдут. Покупать некогда.

Упираю руки в бока над набитым чемоданом:

— Все. Конференция, готовься.

Машина въезжает под арку «Роза Скай».

— Вау... — вырывается, когда выглядываю в окно.

Несколько часов полета, потом долго трясло по серпантину — вымотана после раннего старта, но нервы трепещут.

Водитель забирает чемодан, я оставляю чаевые, поднимая взгляд на громаду.

«Код успеха».

Втягиваю воздух, закатываю чемодан внутрь и встаю в очередь.

Старинный отель, как из сказки. Потолки высокие, лепнина, свет мягкий. Запах навощенного дерева, вина Le Noble. Роскошь нереальная — будто в кино шагнула, не в конференционный отель. В центре — круглая лестница, плавно уходит вверх.

— Следующий, — зовет администратор.

Очередь ползет. Гляжу на тех впереди — кто тоже приехал «прокачиваться»?

Две одинаковые барби. Губы накачанные, ресницы — до луны. Морщусь: как не слетают? Одна — блонд по пояс, отросшие корни торчат. Фу, дешевизна. Вторая — с темной густой гривой. Одеты как на пляж: минимум ткани, максимум грима.

Подтягиваю хвост, одергиваю льняную рубашку — чувствую себя серой мышью. Блин, надо было одеться эффективнее.

Блонда оборачивается:

— Привет! Ты на «Код успеха»?

— Да, — вежливо улыбаюсь. — Вы тоже?

— Да-а-а! — визг. — Боже, я так взволнована! Я Эля. А ты?

— Эм... — пожимаю плечами, чувствуя себя не в своей тарелке. — Саша. Медиакомпания.

— А я империю строю! — глаза горят.

— Империю, — хмыкаю. — В какой сфере?

— Инфлюенсер.

Таращусь на нее, пока мозг переваривает. О боже... одна из тех, кому платят за постановочные фото.

— Правда? Круто.

— Путешествую по миру, рекламирую купальники, — гордо. — Выложу фото — интернет взрывается.

Прикусываю губу, чтоб не расхохотаться. Серьезно?

— Уверена, да.

Темная впереди оборачивается, смеется:

— Сестричка!

— Боже, ты тоже? — Эля ахает.

Визг хором.

— Я Анжела, — брюнетка. — Тоже скоро стану инфлюенсером.

— Скоро? — Эля бровь выгибает свысока. — Еще не...

— Пока не совсем. Фильмы по контракту остались, но закончу — сразу в бой.

— Фильмы? Какие? — Эля замирает.

— Порноактриса, — спокойно. — Может, видела: «Госпожа» с Джонни Рокетом.

Глаза Эли становятся как два блюда:

— О. Боже. Мой. — вздох восторга. — Точно видела!

Смеются и скачут, как школьницы.

Господи.
 Что этот Джонни там с ней вытворял?

И вообще, что там у кого с кем происходит.

Ко мне давно никто не прикасался — забыла, каково это, когда хотят. Даже раньше это было не жестко, а медленно, нежно, с шепотом — как у женатых годами.

Теплый, настоящий... далекий от этих громких названий.

Во что Маша меня вписала?

Украдкой оглядываюсь — мужчина сзади. Слышал?

— Здравствуйте, — улыбается.

— Добрый.

Обычный блондин, без глянца — приятно.

— На конференцию?

— Да.

— Я тоже. Никита Белов, — протягивает руку.

— Саша Андреева.

— Программист, — оглядывает холл. — Здесь как на чужой планете.

— Взаимно. — Облегчение физическое. Хоть один нормальный человек. — Работаю в медиа.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно.

Поворачиваемся к стойке, смотрим шоу. Визг, хохот, жесты — как на лучшем празднике. Улыбаюсь: радость детская,

чистая, забавно.

Думаю: эта легкость уходит к двадцати восьми. Дальше жизнь бьет по всем фронтам: расставания, кредиты, разочарования — если повезет с кем-то нормальным.

Качаю головой — снова поднимается отвращение к миру, разговорам, себе.

Я стала брюзгой. Раньше не такая была. Ненавижу эту версию себя.

Очередь тянет вперед, сзади — новые вдохновленные, энергичные «акулы». Кроме Никиты, самая взрослая — я.

— Боже, сегодня куда-то надо! — пищит Анжела.

— Да! Заряжена! — Эля прыгает, к нам: — Саша, пойдем с нами!

Я усмехаюсь.

— Мне за вами не угнаться. Давайте в другой раз.

— Ладно! — Она уже снова повернулась к подруге: — Куда пойдем?

Я перевожу взгляд на Никиту и обмениваюсь с ним винноватой улыбкой.

— Интересно, сколько «фильмов» они сегодня снимут бесплатно, — шепчет он.

Я прыскаю.

— Да уж. Кому-то прямо сегодня очень повезет... если они вообще это переживут.

— Я точно бы не пережил, — бурчит Никита.

Мы оба тихо смеемся, продвигаясь вперед, пока Эля

оформляет заселение.

Внутрь заходят еще четверо мужчин — старше, солидные, дорого одеты.

Хм. Зря я, может быть, так психовала. Все выглядит не так уж плохо.

Постепенно знакомимся в очереди: выясняется, что мужчины за нашей спиной — разработчики приложений. Я сразу чувствую себя менее чужой. Кажется, сюда все-таки съехались не только порнозвезды и дивы из интернета.

В холл заходит женщина, и головы мужчин синхронно поворачиваются в ее сторону. Блондинка, эффектная, стильная, на вид под тридцать.

— Подскажите, это очередь на заезд? — обращается она ко мне.

— Да, — улыбаюсь.

— Вы тоже на конференцию?

— Ага.

— Я тоже. — Она протягивает руку: — Милана.

— Саша, — отвечаю.

— Очень приятно.

Очередь снова надвигается к стойке, появляются еще двое администраторов — и нас распределяют по разным линиям.

Никита склоняется ко мне:

— Увидимся позже. Мы ужинаем внизу в ресторане в семь. Если будет желание — присоединяйся.

— О, — я чуть вздрагиваю от неожиданности. — Спаси-

бо, но у меня завал по работе. Давай завтра?

— Конечно. — Он тепло улыбается. — Хорошего вечера.

Я поворачиваюсь к стойке регистрации и неожиданно чувствую себя гораздо спокойнее, чем ожидала. Возможно, все и правда будет не так ужасно.

Я сижу в пафосном конференц-зале вместе с еще примерно ста двадцатью людьми. В воздухе буквально звенит от напряжения: все возбужденно переговариваются, открывают блокноты, раскладывают цветные ручки и распечатки.

Все такие вдохновленные, готовые «менять свою жизнь».

А я... я тут ради шампанского и редкой возможности пожить одной в тишине. Но что ж, пусть будет так. «Ура всем вдохновленным», как говорится.

На сцену выходит мужчина, зал взрывается аплодисментами. Он раскидывает руки, широко улыбаясь. Я шурюсь: интересно, кто это у них тут главный гуру.

Он ждет, пока овации стихнут, снова улыбается:

— Добро пожаловать! — голос громкий, с эхом, как у пастора на проповеди. — Добро пожаловать на «Код успеха» — место, где вы встретите лучшую версию себя. — Он делает паузу. — Вы готовы?

Зал взрывается криками и аплодисментами.

Боже... это слишком. Я послушно хлопаю вместе со всеми, пока вокруг визжат и подпрыгивают. Люди встают, смеются, орут. Я осматриваюсь и хмурюсь: ну серьезно, всем надо немного остыть.

Это все начинает напоминать секту.

Я опускаю взгляд на телефон, подумывая, не снять ли это безумие для Маши. Даже она не поверит, если просто расскажу.

— А сейчас я хочу представить нашего первого спикера, — ведущий делает театральную паузу. — Человека, за которым многие из вас следят и чьи методики меняют жизни по всему миру. Он с нами всего один день, так что встречаем его громче. Создатель уникальной стратегии «Как получить желаемое» — на сцене Константин Орлов.

Из меня в одну секунду выбивает воздух. Зал взрывается. На сцену в идеально сидящем темно-синем костюме выходит Константин. Волосы чуть растрепаны, как после бурной ночи, улыбка широкая, уверенная. Он поднимает руки вверх, хлопает вместе с залом и даже чуть кланяется. Люди сходят с ума, кричат, свистят, хлопают.

У меня глаза чуть не вылезают из орбит.

Что. За. Бред.

Кровь с шумом ударяет в уши, все вокруг размывается.

Гнев поднимается мгновенно. Я не переношу даже вида этого человека — хотя, будь он не таким красивым, жить было бы легче. Двухлезвийный меч: на него приятно смотреть и невозможно выносить его присутствие.

— Добрый вечер, — говорит он все тем же гулким голосом. — Поздравляю вас. — Он ждет тишины.

У меня по коже бегут мурашки от его тембра — низкого,

хрипловатого. В речи — легкий аристократический оттенок, смешанный с московской четкостью. Звучит интеллигентно, уверенно... и до неприличия сексуально.

Тошно. Ненавижу в нем каждую деталь.

— Добро пожаловать, и спасибо, что пришли. Вы уже сделали очень важный шаг в своем развитии, — он медленно водит взглядом по залу. — Лично я...

Наши глаза встречаются. Его речь обрывается на полуслове, он замирает, уставившись на меня. Моргает.

Блин.

Быстро берет себя в руки:

— Лично я очень рад за вас, — продолжает ровнее.

Говорит что-то дальше, но слова тонут в шуме крови. В ушах ревет адреналиновая река. В последний раз, когда виделся, он спокойно расписывал, как отберет у сыновей компанию отца.

Не собираюсь сидеть и слушать, как этот хищник вещает о «личностном росте». Рушит семейные бизнесы ради спорта и прибыли.

Конечно, звезда на «Код успеха». Это идеально ему подходит.

Поднимаюсь.

— Простите, — шепчу соседу, протискиваясь через колени.

— Александра Андреева, — раздаётся со сцены.

Замираю, в ужасе поднимаю взгляд.

— Сядьте, — спокойно, почти мягко в микрофон.

— Я... — шаг к проходу.

— Александра, — сталь в голосе.

Весь зал оборачивается. Сто двадцать пар глаз впиваются в спину. Медленно смотрю на сцену.

— Я сказал: сядьте. — Каждое слово отдельно.

Голос в тишине пробегает дрожью по спине — ярость мешается с адреналином, который так не хочется признавать.

Глава 3

Блин.

Растягиваю фальшивую улыбку.
Кем себя возомнил этот придурок?

— Я сказал: сядьте. На. Место, — повторяет он.

А я думаю: да пошел ты, самодовольный кретин. Приподнимаю бровь под его взглядом, улыбаюсь еще слаще. Нарочито не спеша поворачиваюсь и иду к выходу.

Его глаза опасно щурятся, но он быстро берет себя в руки и возвращается к речи:

— Как я уже говорил...

Выхожу в коридор за дверью, прячусь с глаз долой, но не ухожу — прислоняюсь к стене и слушаю.

Минут десять киплю молча.
Один его голос, один силуэт на сцене вытаскивает из меня злость, о которой раньше я и не подозревала.

Выглядываю из-за угла. Ходит по сцене туда-сюда. Голос низкий, уверенный, командный. Одна рука в кармане брюк, другая режет воздух.

Красивый. С хищной силой.

В центре внимания — как рыба в воде. На любой сцене король.

Зал замер, ловит каждое слово. Записывают, смеются вовремя. Женщины смотрят снизу вверх — «хочу его». Муж-

чины — «хочу как он».

А я хочу вмазать кулаком по этому идеальному лицу.

Ненавижу, что ему все легко. Родился в деньгах, с харизмой в придачу. Природа внешность доклеила. Несправедливо.

Представляю девушек, падающих к ногам. Крутит пятерых сразу, небось.

Вспоминаю наш последний звонок.

— Мне не понравилось, как мы познакомились. Хотел бы начать заново.
— Шутите? Я бы не пошла с вами, даже если бы вы были последним мужчиной на земле. Деньги и внешка на меня не действуют, Константин Владимирович.
— Тогда это был просто бизнес, Александра.
— Для меня — вовсе нет. Это мое личное дело. Найдите себе куклу для ресторанов. Я не собираюсь встречаться с холодным и недоступным вроде вас.

Красиво вышло.

Глупо улыбаюсь в пустоту. Звал на свидание. Константин Орлов звал — чтоб втереться, но послать было кайфом.

— Александра Андреева, — вдруг со сцены.

А?

Поднимаю взгляд — ужас. Что спросил?
Как он меня увидел?

Перешел на другую сторону сцены и в просвете двери увидел меня.

Блин.

Ладонь вверх:

— Поделитесь.
 — Простите? Не расслышала.

Тень улыбки в уголках губ, глаза держат.

— Попросил вспомнить момент удовлетворения. Когда вы были по-настоящему горды собой.
 — А... — глаза округляются.
 — Судя по улыбке, вы вспомнили что-то крутое.

Молча смотрю на него.

— Пожалуйста, — театральный жест рукой. — Поделитесь своей гордостью.

Урод.

Сверлю взглядом. Серьезно?

Засовывает руки в карманы, мерно вышагивает по сцене:

— Александра, мы ждем, — снисходительно тянет.

Подмышками жжет от пота — зал молчит выжидающе. Господи, как он умеет бесить.

— Последний раз я по-настоящему гордилась собой, когда отказалась от свидания с тем холодным нарциссом, — отчеканиваю.

Взгляды сцепляются, бровь медленно вверх.

Давай поиграем, красавчик.

— Ах вот как, — протягивает. — Грустно, что лучшее воспоминание о своей жизни — про другого человека. Это о вас говорит больше, чем о нем.

Улыбается залу, будто говорит о погоде.

— К вечеру жду настоящий ответ. Подумайте.

Шаг назад — внутри кипит.

Он думает, я стану чем-то делиться? Я знаю, кто я, и мне достаточно.

Самодовольный придурок.

— И потом... — он медленно улыбается, шагая по сцене, — однажды вы еще будете умолять этого «нарцисса» позвать снова. И вопрос уже будет стоять, захочет ли он.

Зал взрывается смехом, он переключается:

— Вы, девушка с длинными светлыми волосами. Самый важный момент?

Давление растет, пот на лбу. Хочется спуститься, пнуть Весь-из-Себя-Успех — чтоб кубарем слетел.

Вот же. Неужели нельзя одну неделю прожить без него? Забыть, кто я, кто он?

Зачем он здесь?

Час держит зал на крючке, а я с пустым взглядом фантазирую о его мучительной смерти.

Надо было остаться на месте. Теперь буду выглядеть идиоткой, если уйду.

Один день — и он свалит в Москву.

Женат небось на супермодели или богине пятнадцатисекундных видео.

Ненавижу. Делает из меня идиотку.

— Перерыв. Кофе в лаунже, потом цели. Сегодня стартовые, пятый день — проверка роста, — смотрит часы. — Зал «Магнолия» через полчаса.

Тяжело выдыхаю, спускаюсь в лаунж. Все радостные, инсайты обсуждают. Наливаю кофе, беру шоколадный торт, забиваюсь в угол и достаю телефон. Ищу спа, массажи рядом.

Да ну этот «рост». Ухожу.

Цель на день — массаж и два литра шампанского.

Отпиваю глоток кофе, листаю список салонов.

В зал входит Константин, и головы рефлексивно поворачиваются к нему. От него идет такая мощная волна уверенности, что сложно не смотреть. Коротко остриженные по бокам темные волосы, сверху — та самая идеальная «только что из постели» небрежность.

Спина прямая, четкий квадратный подбородок высоко задран, взгляд хищный. Глаза — огромные, темные, цепкие. Он находит меня в толпе, и я почти физически ощущаю, как его взгляд касается кожи. Между нами на секунду пробегают электрический разряд, я зло отрываю глаза.

Вот же... за эту внешность.

— Здравствуйте, — раздается рядом мужской голос. — Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Оборачиваюсь: мужчина с ресепшена. Как же его звали...

— Конечно, — улыбаюсь. — Пожалуйста.
— Никита. Мы вчера познакомились, — подсказывает он.
— Да, конечно. Привет, Никита. Я Саша.
— Да-да, помню. — Он усмехается. — Наш Константин Орлов вас там выбрал мишенью.
— Да? — я делаю вид, что не придаю этому значения, и пригубляю кофе. — Я как-то не заметила.

— Честно говоря, я не из тех, кто раздает кому-то фанатские овации, но... — он заговорщицки склоняется ко мне, — вы его резюме читали?
— Нет, — отзываюсь и, самодовольно обманув себя, делаю вид, что мне это неинтересно.

Поднимаю взгляд — и прямо упираюсь в глаза Константина. Мы застываем на пару секунд, потом одна из пяти женщин, облепивших его, что-то говорит, он отворачивается, и я тут же опускаю глаза обратно в телефон.

— У него шесть высших образований и он говорит на пяти языках, — вдохновенно продолжает Никита. — IQ сто семьдесят. Это даже выше, чем у обычного гения, это уровень какого-то экстрасенса.
— Вау, — изображаю впечатление.

Внутренне закатываю глаза до затылка. Ну надо же, мужчина, который и считать умеет. Браво, аплодисменты. Так, Никита, будь лапочкой, дай мне спокойно погуглить «горячий массаж с маслом». Есть вещи важнее, чем чужие коэффициенты интеллекта.

Например, напиться.

— Я себя что-то нехорошо чувствую, — неожиданно для самой себя говорю вслух.
— Правда? — он тут же тревожно всматривается в меня. — Все в порядке?
— Мигрень, — обреченно вздыхаю. — Всегда после перелетов. Ненавижу. Я переживу, но мне, возможно, придется прилечь. Если во второй половине дня меня не будет, ты будешь знать, где я. К завтрашнему дню отойду.
— Конечно, да,

— кивает он. — Я скажу, если что.

Три часа спустя сильные руки медленно проходят вверх по моему позвоночнику и спускаются вниз, обводя теплыми ладонями изгиб бедер.

В комнате полумрак, играет расслабляющая музыка с тяжелым чувственным ритмом, и запах одеколона массажиста подозрительно сильно заводит все, что ниже талии.

Руки Григория легко скользят вверх по спине. На кожу льется горячее масло, и от первого касания у меня пробегает дрожь, глаза сами закрываются.

Вот это да... вот это уже похоже на правильный «личностный рост».

— Так хорошо? — спрашивает Григорий.
— Идеально, — выдыхаю я.

Честно говоря, это не просто идеально — это божественно. Я буду ходить сюда каждый день.

Да ну ее, эту конференцию.

Его ладони мягко скользят вниз по моей спине, и я улыбаюсь в массажную подушку.

У меня в сумке начинает громко трезвонить телефон. В тишине салона звук режет по нервам, наверняка мешая и в соседних комнатах.

— Ой, простите, — морщусь. — Сейчас прекратится.

Звонок не смолкает до самого конца и тут же начинается снова. Вот же.

— Простите... — мы ждем, но телефон упорно орет еще

раз. Вдруг что-то случилось дома? — Передайте, пожалуйста, сумку.

Он подает мне сумку, я нащупываю телефон. Номер незнакомый.

— Алло, — говорю и вновь опускаюсь на кушетку.
 — Где вы? — рычит в трубке знакомый голос. — Вы пропускаете воркшопы.
 — Эм...
 — И даже не пытайтесь мне врать, Александра. Я знаю, что вы не у себя в номере.

Я злюсь от одного его тона. Да кто он такой вообще?

— Простите, это что сейчас было?
 — Где. Вы, — практически шипит он.
 — На массаже, если интересно, — отвечаю максимально спокойно.
 — Что? — он явно теряет самообладание.
 — Ваша лекция была невыносимо скучной. У меня есть дела поважнее. Всего доброго, Константин Владимирович.
 — Александра Андреева... — начинает он выговаривать, но я уже нажимаю «сброс».

Перевожу телефон в беззвучный режим и швыряю на кресло в углу.

— Извините за это, — бросаю Григорию. — На чем мы остановились?

Сильные ладони спускаются вдоль ребер, скользят ниже, к выступающим косточкам бедер, и по телу проходит дрожь возбуждения.

Я улыбаюсь с закрытыми глазами.

Да, все-таки приятно иногда быть стервой.

Его руки переходят на живот — медленно, уверенно.

Вот это... я понимаю, настоящая релаксация.

Константин

Я стою у барной стойки с бокалом в руке.

— И только от того буста у меня прилетело еще пятьдесят тысяч подписчиков, — восторженно рассказывает Сабина.
— Впечатляет, — кивает Виктория.

Вокруг меня четыре эффектные женщины, и мне смертельно скучно. Утром первый рейс — и я улетаю.

Взгляд сам скользит по залу. Где она?

— Так что, Константин Владимирович, вы женаты? — мурлычет блондинка напротив.
— Пожалуйста, просто Константин, — поправляю ее и качаю головой. — Нет, не женат.
— Тогда, может, есть девушка? — уточняет Сабина.
— Тоже нет, — делаю глоток. — Абсолютно свободен.
— Да? — голос у Сабины становится еще более обволакивающим. — Какая удача.

Я натягиваю вежливую улыбку.

— На самом деле свободному человеку всегда везет, да?

Девушки синхронно смеются, как по сигналу, а я снова сканирую зал. Если она сегодня не появится, это будет очень плохим завершением дня.

— Я недавно разорвала помолвку, — томно сообщает Виктория.

Я лениво окидываю ее взглядом. Блондинка, красивая, ухоженная — в принципе, в точности мой обычный тип. За-

ставляю себя кивнуть, делая вид, что мне интересно.

— Я просто хочу сейчас сконцентрироваться на своих целях, — продолжает она. — Мой бывший не развивался, понимаешь? Ему хотелось дом в пригороде и троих детей, а мне от жизни нужно больше. Я хочу мировую империю.
— Абсолютно с тобой согласна, — наперебой поддакивают остальные.
— Я испытывала то же самое со своим бывшим, — вставляет одна из девушек.
— Ну почему они этого не понимают?

Господи... вытащите меня отсюда.

Я машу коллеге где-то в стороне:

— Пойду к знакомому, — и разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Константин, — протяжно окликает Сабина.

Я оборачиваюсь.

— Может, мы могли бы вечером вместе пробежаться по конспектам? — она улыбается слишком откровенно. — У меня в номере.
— Э-э... — я перевожу взгляд с одной на другую.
— В смысле, — она лениво проводит пальцами по волосам, — можем все вместе. Мы четверо и ты. Такой... групповой разбор.

Девушки обмениваются плотоядными улыбками.

— Ночь обещает быть очень продуктивной, — шепчет Виктория.
— В этом я несколько не сомневаюсь, — ухмыляюсь я. — Посмотрим, как сложится вечер, ладно?

Я разворачиваюсь и иду к одному из лекторов, слыша за спиной их довольный хохот.

— Привет, — говорит Лиза.
— Привет, — делаю глоток.
— Дай догадаюсь: они все на тебя вешаются?
— С чего ты взяла? — не меняя выражения лица, отвечаю.
— Да потому что я никогда в жизни не видела, чтобы мужчину так обхаживали. — Она ухмыляется. — Женщины, которые к тебе липнут, вообще не знают слова «стыд».

Я усмехаюсь. Лиза — психолог, лет пятьдесят с хвостиком. Мы часто пересекаемся на конференциях: она занимается тестами личностных профилей и, кажется, видела уже все.

— Поверь, Лиза, это быстро надоедает.

Я снова оглядываю зал и наконец замечаю ее в углу, среди группы мужчин.

Она здесь.

Наблюдаю, как она говорит что-то, смеется.

Темные волосы до плеч, густые, тяжелые. На ней черное платье — не откровенное, не броское, самое обычное. Она вообще вся какая-то приглушенная, спокойная. Разумная. И при этом притягивает сильнее, чем любая из этих разряженных кукол. Совсем не мой привычный тип — и именно этим цепляет. На вид старше меня, но ненамного, может, на пару лет.

Мы с Лизой продолжаем перекидываться фразами, но взгляд у меня не отлипает от Саши. Она смеется с каким-то мужчиной.

Кто он?

Хм.

Я собираюсь подойти.

— Секунду, — говорю Лизе и направляюсь в ее сторону.

Уже почти подхожу, как вдруг слышу:

— Константин Владимирович.

Оборачиваюсь: передо мной привлекательная блондинка.

Та самая, что уже пыталась подкатить днем.

— Здравствуйте, — натягиваю вежливую улыбку и с неприязнью отмечаю, что мы стоим в непосредственной слышимости от Саши.
 — Милана, — напоминает она. — Мы виделись за ланчем.
 — Помню, Милана, — киваю.

Мужчина, с которым разговаривала Саша, идет к бару. Она поднимает глаза и явно слышит наш разговор.

— Чем займетесь позже? Может, выпьем вместе? — сладко предлагает Милана.

Саша демонстративно закатывает глаза и отворачивается. Вот же.

— Нет, я не смешиваю работу и развлечения, — отвечаю и, не задерживаясь,двигаюсь дальше — к Саше.

— Добрый вечер, — говорю.

Она бросает на меня абсолютно каменный взгляд:

— Привет. — Делает глоток из бокала и снова отворачивается, как будто меня здесь нет.

— Как массаж? — интересуюсь.
 — Отлично, — не меняя интонации, отвечает она.

Боже... какая же она хамка. И почему это заводит еще

сильнее?

— Может, все-таки посмотришь на меня, пока я с тобой разговариваю? — не выдерживаю.

Ее глаза медленно поднимаются и встречаются с моими. В животе странно переворачивается.

— Чего вы от меня хотите, Константин Владимирович? — холодно спрашивает она.

Я смотрю на нее, пытаюсь разобраться, что именно сейчас случилось внутри.

— Константин, — отвечаю. — Называй меня Константином.
— Нет, — отрезает она ровно. — Звать вас Константином значило бы, что я хочу общаться с вами на «ты».

Язык скользит по ее нижней губе, и я чувствую это прямо в паху.

— А я не хочу.

— Саша.
— Зовите меня Александрой.
— Зачем вы так грубо себя ведете?
— Я не грубо. Я честно. Или вам лучше, чтобы я лгала?

Ну ни фиги себе.

— Может быть, — отвечаю.
— Как же я рада вас видеть, Константин. Давайте обнимемся у костра и споем песенку. Соскучилась по вашей неотразимой внешности и остроумию, — выпаливает она без запинки. Улыбается невинно и хлопает ресницами для пущей выразительности.

Я усмехаюсь и чокаюсь с ней бокалом.

— За это и пью. Вот теперь похоже на то, что нужно. Рад,

что вы вливаетесь в атмосферу.

Она чуть приподнимает подбородок, подзывая поближе. Я наклоняюсь, ожидая, что она скажет.

— Уйдите, Константин Владимирович, — шепчет она мне прямо в ухо.

Я тихо смеюсь — впервые за долгое время по-настоящему оживаю.

— Нет.

Она снова смотрит вперед.

— Вижу, вы все такой же назойливый.
 — А вижу, вы все те же таблетки для стервозности глотаете.
 — Ага, конечно. Давайте свалим мою антипатию к вам на лекарства. Другой причины, по которой вы меня отталкиваете, просто не может быть, да?

Брови у меня ползут вверх. Женщины так со мной не разговаривают.

— «Отталкиваете» — сильное слово, не находите? — говорю, тоже уставившись вперед. — Думаю, вы имели в виду «очаровываете».

Ее губы чуть подрагивают — она явно борется с улыбкой.

— Уйдите, Константин Владимирович, — повторяет.
 — Я вас очаровываю, Саша?
 — Александра, — шипит она. — И у вас нет того, что нужно, чтобы меня очаровать.

Наши взгляды сцепляются, и во второй раз за вечер в животе неприятно екает.

От нее идет какая-то аура — неуловимая, манящая.

Доминирующая.

Интересно, какая она в постели. Представляю нас голыми, сплетенными — и между ног тут же становится тесно. Я поджимаю губы, чтобы не выдать, насколько меня это заводит.

— До свидания, — она отходит в толпу, а я провожаю ее взглядом.

Ладно... признаю.

Эта женщина безумно горячая.

Слежу, как она пересекает зал, и лихорадочно думаю, что делать. Здесь — единственное место, где я могу ее увидеть. Хм...

Достаю телефон, звоню брату. Он отвечает мгновенно.

— Привет, Костя.
 — Клим, — говорю, наблюдая, как она заговаривает с очередным мужчиной. — Смена планов.
 — В чем дело?
 — Я собирался пробыть на конференции только первый день.
 — Так.
 — Но решил остаться на всю неделю. Есть... — подбираю слова, — возможность, которую стоит проверить.
 — Ладно. Когда вернешься?
 — В следующий понедельник.
 — Ладно. Слушай, я на встрече. Позвоню позже.
 — Хорошо.

Кладу трубку, убираю телефон в карман и снова поднимаю глаза на Сашу Андрееву через весь зал.

Эта конференция только что стала по-настоящему интересной.

Александра

— Иду за напитком, — говорит Никита. — Тебе взять еще?
— Да, спасибо.
— Скоро вернусь, — обещает он и направляется к бару.

Я провожаю его взглядом.

Неплохой парень.

Честно говоря, удивлена: вечер получился неожиданно приятным. Ужин, танцы, болтовня со всеми подряд — я даже социализировалась. Маша бы мной гордилась.

— Ах, наконец-то осталась одна, — раздается знакомый голос.

Оборачиваюсь: Константин Орлов стоит рядом. Прекрасно. Закатываю глаза.

— Куда делся ваш ученик? — спрашивает он, отпивая из бокала.
— Кто? — хмурюсь.
— Этот скучный идеальный мальчик.

Я прикусываю щеку изнутри, чтобы не улыбнуться. В точку.

— Понятия не имею, о ком вы.
— Никита Мандела, или как его там, — он небрежно машет бокалом в сторону бара.

Не выдерживаю и улыбаюсь.

— Фамилию его не знаю, но точно не Мандела, Константин Владимирович.
— Я же просил звать меня Константином.
— А я просила уйти.

— Знаете... — он делает паузу, подбирая слова, — если бы я не был на работе и не держал профессиональный тон,

у меня накопилось бы к вам куча вопросов.
 — Напри-
мер?
 — Сейчас я на работе, — он поправляет галстук.

Мне жутко интересно, что он хочет сказать, поэтому вы-
паливаю:

— Считайте, что вы вне смены. Все, что скажете, оста-
нется между нами.
 — Почему вы меня так ненавиди-
те?
 — Причин хватает.
 — Назовите хоть одну.
 — Вы хотите мою компанию, Константин Владимирови-
ч.
 — Нет, — он отпивает глоток, и по тону кажется, что
он раздражен. — Я сделал честное предложение по вашей
компании, вы отказались. Точка. С тех пор к вам не лез, ува-
жал ваше «нет».

Наши взгляды сцепляются. Между нами искрит — тела
будто разговаривают без слов. Я могу сколько угодно делать
вид, что не замечаю, но правда в том, что Константин Орлов
— это переизбыток всего: запаха, взгляда, присутствия.

Чувствую себя глупо из-за своей истеричной ненависти и
отвечаю:

— Если уж так хотите знать, вы меня просто раздражаете.
У него отвисает челюсть в притворном шоке.

— Вы всегда такая бессердечная, Саша?
 Я тихо сме-
юсь.
 — Думаю, мы оба знаем, кто из нас здесь бессер-
дечный.

Его глаза не отпускают, он приподнимает бровь.

— А кровь у вас какая?
 — Какая кровь?
 — Го-
рячая?

Какой же он нахал.

Хм... не хочу признавать, но в этом мужчине определенно есть что-то.

Улыбаюсь его наглости во весь рот.

— Думаю, температура моей крови вас не касается.

— О, но мужчине любопытно, — он смотрит мне в глаза поверх бокала.

Воздух между нами густеет.

— Может, обсудим это... снаружи? — медленно улыбаюсь, сексуально приподнимая бровь. — Конечно, вне темы.
 — Вы хотите выйти и обсудить температуру моей крови, Константин Владимирович?
 — Да, — шепчет он, опуская взгляд на мои губы.

Я наклоняюсь ближе.

— Константин Владимирович, — шепчу в ответ.
 — Да?
 — Я к вам не испытываю влечения. Ни на работе, ни вне ее.

Он наклоняется к моему уху, губы почти касаются кожи:

— Врушка.

Его дыхание щекочет, по рукам бегут мурашки.

— Хватит, — шепчу, оглядываясь по сторонам.

Тело выдает меня самым подлым образом. Предатель.

Его глаза не отпускают.

— Назови меня Костей.
 — Нет. — Делаю глоток. Господи, хотелось бы опрокинуть бокал залпом.
 — Саша, — он снова склоняется к уху.
 — Что?
 — Не бойся

звать меня Костей.

Закатываю глаза.

— Потому что очень скоро, — шепчет он, — ты будешь стонать это имя.

Ухмыляюсь.

— Вы всегда такой фантазер?
— Просто констатирую факт, — он небрежно пожимает плечами, разворачивается и уходит в толпу.

Я провожаю его взглядом.

Появляется Никита:

— Вот твой коктейль.
— Спасибо.

Беру бокал и смотрю через зал: Константин подходит к группе женщин. Они все тают, улыбаются, хихикают. Потом он поворачивается ко мне. Темные глаза находят мои, он медленно, сексуально улыбается и поднимает бокал в мою сторону — будто открывает Олимпиаду.

В горле встает ком.

Боже... да что это только что было?.

Глава 4

Уже поздно, второй час ночи, и я сама не понимаю, почему до сих пор не в постели.
 Вечер пролетел. Так странно и приятно — не нестись домой к урокам, ужину и вечному «мам, где...». Кажется, все сто двадцать человек с конференции все еще здесь. Настроение легкое, все смеются. Я стою в глубине зала у бара, нас человек десять в кругу: кто-то рассказывает истории, мы хохочем, перекидываемся шуточками — и каждые пару минут я ловлю взгляд Константина через весь зал.

Он смотрит на меня... весь вечер.
 Жар его взгляда на коже — как солнце. И невольно думаешь: если он так смотрит, то что он творит в постели? Сейчас он не просто раздевает меня глазами — он словно занимается со мной сексом без прикосновений.

В груди поднимается жар, и я ловлю себя на том, что представляю нас голыми, вместе.

Как хорошо отлаженный механизм, он работает с залом: улыбается, слушает, шутит, — все хотят с ним поговорить, все хотят быть рядом. И я почти уверена: каждая женщина здесь хотя бы на пару секунд представила, каково было бы увезти его к себе.
 Я — да.

Хотя никогда этого не сделаю. Господи, нет.

Но его бесстыдная, совершенно честная, флиртующая ма-

нера цепляет... даже тех, кому он «как бы неинтересен».

Я позволяю мыслям немного увлечь меня. Каково это — переспать с таким мужчиной без обязательств, без завтрашнего дня? Только ночь, только момент — и ничего после.
Просто жить внутри этого «сейчас».

Я смотрю на трубочку, рисую ею круги в бокале. Мысль цепляется за мысль, пытаюсь свести вместе старое и новое. Давно у меня в голове не было ничего похожего.

Мысли о сексе вообще не приходили мне в голову с тех пор, как погиб Вадим.
Через месяц будет пять лет.

Мне было тридцать три, когда я потеряла мужа — возраст, когда толькоходишь в свой сексуальный расцвет.
В тот день я потеряла слишком много. И не только его... вместе с ним ушла большая часть меня самой.

Мы познакомились в институте. Два года встречались, а потом случилось невозможное: я забеременела на таблетках, в двадцать лет.
Вадим был в восторге. Он вообще никогда не сомневался, что мы будем вместе. На четвертом свидании сказал, что женится на мне. Он был старше на три года и уверен, что знает жизнь.

Я грустно улыбаюсь. Сейчас понимаю: во многом он и правда знал.

Перед глазами вспыхивает кадр: мы целуемся, смеемся, кувыркаемся в кровати, занимаемся любовью.
Сердце сжимается.

Я скучаю не только по нему... я скучаю по тому, что мы

делали. По тому, как он одним взглядом напоминал мне, что я женщина.
 По возбуждению.
 По волне оргазма.

Я закрываю глаза, злясь на себя.
 О боже...
 Прогнали.

Надо перестать пить. Вспомнила, почему не люблю алкоголь: он делает меня грустной, накрывает темной, тяжелой накидкой, напшигованной обязанностями. Я ставлю бокал на стойку:

— Я поеду, — машу нашей компании. — До завтра.

Направляюсь к выходу и замечаю Константина: он говорит с тремя женщинами — теми самыми, что весь вечер на нем висят. Завидев меня, он отлипает от стены и выходит мне навстречу.

— Александра, — окликает.

Я не могу быть с ним откровенно грубой при других, поэтому:

— Добрый вечер, — улыбаюсь через его плечо его поклонницам.

— Ты готова? — спрашивает он.

Я моргаю, не понимая.

— К чему?

— Ну... — он выразительно округляет глаза. — К занятиям.

— А. — Я хмурюсь: видимо, пытается избавиться от своего гарема. — Да. Конечно.

— Веди, — показывает на двери.

Господи. Я ускоряюсь к выходу.

— Но... — тянет одна из девушек у нас за спиной.

— Девочки, перенесем, — бросает он, догоняя меня.

Мы выходим в фойе и подходим к лифту.

— Спасибо, — он тяжело выдыхает.

Я закатываю глаза:

— Я не ваша палочка-выручалочка, Константин Владимирович.

— Знаю. — Он берет меня под локоть, вплетая руку в мою. — Мы же правда идем заниматься, разве я не говорил?

— У вас эта гиперфлиртующая манера реально часто сбивает? — спрашиваю, когда двери лифта открываются и мы заходим внутрь.

Он ухмыляется:

— Всегда.

Я качаю головой, глядя в пол, не скрывая улыбки. От него пахнет нереальным парфюмом.

— Мы пьем кофе или шампанское? — спрашивает игриво.

— Я — чай.

— Чай? — он морщит нос. — Такой, бабушкин, английский?

— Да. Такой, бабушкин, английский.

— Хм.

Двери открываются, я выхожу первой. Он тоже. Идем по коридору. Где вообще его номер? Он же не думает, что пой-

дет со мной?..

— Думаю, могу рискнуть, — наконец произносит.

— Рискнуть с чем?

— С чаем.

— Вы со мной не идете, — фыркаю.

Лицо вытягивается:

— Почему?

— Потому что я не из таких. Потому что я слишком стара для вас. И потому что... — на секунду замолкаю, подбирая слова. — Я клялась ненавидеть вас всю вечность. — Останавливаюсь у своей двери. — Это мой номер.

Он засовывает руки в карманы брюк:

— Ну же, Саша, это всего лишь чай. — В его озорных глазах пляшут огоньки. — Не то чтобы я собирался переспать с тобой так, что ты неделю ходить не сможешь.

Я уставляюсь на него, шокированная тем, что он это озвучил. Я не привыкла, что мужчины разговаривают со мной так.

Его грубые слова попадают прямо в тот темный уголок моей сексуальности, где давно никто не шевелился.

Что-то спящее шевелится глубоко внутри.
 Пять лет — большой срок.
 Воздух между нами трещит.

— Я же не собираюсь доводить тебя до такого оргазма, что ты будешь неделю отходить, — негромко усмехается он. — Едва ли это будет лучший секс в твоей жизни или что-то в этом духе.

У меня нет слов... он их украл.

— Признай, — его взгляд опускается к моим губам, голос становится тише, — тебе хотя бы раз не приходило в голову, какой я в постели?

— Нет, — вру. На самом деле это единственное, о чем я думаю последние минуты. — Ни разу.

— И ни разу не думала, какой у меня размер? — шепчет он, заправляя прядь волос за мое ухо и делая шаг ближе.

Господи, да он явно немаленький. О таком вслух говорят только те, кому есть чем похвастаться.
Не могу успокоиться.

Я сглатываю ком в горле, представляя его голым.

— Нет.

Он наклоняется к самому уху:

— Признайся.

Я закрываю глаза. Отлично. Вот я и влипла. С очень плохим мужчиной.

Сердце отзывается на его ритм — быстро, сильными ударами, и в голове вспыхивают картинки того, какие «плохие вещи» можно было бы с ним делать.

— Ты у меня из головы не выходишь, — его низкий шепот у шеи разносится по нервам электричеством.

— С чего это? — так же тихо спрашиваю, хотя ответ и так знаю.

Он придвигается еще ближе, прижимает меня бедрами к стене. Он твердый, готовый. Внутри все начинает плавить-

ся.
 Боже... как же приятно он ощущается.

— Три лекции и один воркшоп я занимался только тем, что представлял, как ты скачешь на мне, — шепчет он мрачно.

Перед глазами вспыхивает картинка: я сверху, голая, тела скользят от пота.

— Вот же... — выдыхает он, сжимая в ладони горсть моих волос. — Мы были бы такой горячей парой.

Лифт звякает, и двери открываются — из них выходит Никита.

Мой временно отключенный мозг включается обратно. Я резко отталкиваю от Константина:

— Хватит, — шепчу.

Никита смотрит на нас из другого конца коридора и хмурится:

— Эм... привет.

Константин закатывает глаза, злится, проводит рукой по волосам:

— Привет, — бурчит сухо.

Я в спешке провожу карточкой в двери, цепляюсь за эту паузу как за спасение:

— Спокойной ночи, Константин Владимирович.

— Саша, — шепчет он.

Я захлопываю дверь перед его носом. Оседаю спиной к двери и закрываю глаза. Дышу тяжело, тело все еще гудит от его близости.

Телефон пискнул — приходит сообщение.

Ну же?
 Я улетаю завтра.

В голове повторяются его слова:
 «Мы были бы такой горячей парой».

Я вешаю цепочку, заглядываю в глазок — он закатывает глаза и качает головой.

Злится. Он знает, что почти дожал меня.

Вот блин... это было слишком близко. Еще одно сообщение:

Саша, давай же.
 Ты меня убиваешь.
 Никаких призов за примерное поведение нет.
 Живем один раз.

— Да чтоб тебя, — шепчу.

Ставлю телефон на беззвучный режим и чуть ли не бегом удаляюсь в ванную. Запираю и эту дверь. Нужно как можно больше дверей между нами.

Боже, очнись, Саша.

Последнее, что я собираюсь сделать, — это переспать с этим мерзавцем. И потом, я даже не знаю, что с такими, как он, делать. Уверена, тот секс, который был у меня, и тот, к которому привык он, — это два разных вида спорта.

Мне ближе нежность и забота, а он, кажется, мировой чемпион по напору и грубости.

Меня передергивает от мысли выглядеть рядом с ним уязвимой и неопытной.

Представляю, как он указывает мне, как ему нравится, — и кровь закипает.

Ни за что на свете я не дам ему ни грамма власти над собой.

— Все. Хватит, — яростно шепчу. — Холодный душ. — Включаю воду на полную. — Этот мужчина — дьявол.

Я сижу в «круге правды» и смотрю в пустоту.

Нас по очереди спрашивают о чем-то таком, что знаем только мы сами. О том, что, по идее, жжет дыру в душе.

— Арина, скажи, что тебя сильнее всего злит? — спрашивает Елизавета Игоревна.

Арина хмурится, подбирает слова, и мы ждем в тишине. У каждого вопрос свой, по результатам психологических тестов. Елизавета Игоревна, психолог, ведущая эту часть, составила сценарий под то, что мы заполняли вчера утром. Нас разделили на группы по пятнадцать человек, и теперь мы по кругу слушаем истории друг друга.

Я снова отключаюсь.

Сегодня я выжата. Недовольна собой по многим пунктам.

Ненавижу, что меня тянет к человеку, которого я не уважаю. Ненавижу, что позволила ему залезть под кожу. Ненавижу, что захотела его. И больше всего ненавижу, что шанс провести с ним одну безумную, легкую ночь ушел. Я думала, он уже улетел в Москву.

Проклятый Константин Орлов.

Причина, по которой я не спала. Причина, по которой вчера ночью мне пришлось доводить себя до оргазма.

И причина, по которой сегодня я чувствую себя настолько несексуальной, что хочется просто разрыдаться.

Было приятно, что за мной ухаживают... что кто-то меня хочет.

Чувствовать себя снова женщиной.

И дело не в нем — не в его личности. В том, что он сим-
волизирует.

Беззаботное время, которое ушло.

Я думала об этом долго. Очень долго. Всю ночь, если честно. И если вообще был мужчина, с которым стоило переспать просто чтобы вернуться в игру, так это Константин Орлов.

Он простой и недоступный одновременно — идеальный вариант для «бездумного секса». Я хотела его физически, и при этом не было ни единого шанса, что я могла в него влюбиться. Он точно не мужчина, в которого я когда-либо смогла бы по-настоящему влюбиться.

Это был идеальный случай... а я его упустила.

Просто прекрасно.

— Александра? — зовет голос.

Я моргаю, поднимаю голову:

— Простите, что?

— Давайте поговорим о самом трудном, с чем вам приходилось сталкиваться, — говорит Елизавета Игоревна.

Я хмурюсь.

— Самое тяжелое, что вам пришлось сделать?

Секунду смотрю на нее.

— Детская лига.

Лицо у нее меняется, остальные напрягаются, слушают.

— Объясните, — мягко просит она.

— Эм... — я набираю воздух. — Мой муж... эм... — за-
пинаюсь.

— Начните с начала, — улыбается она.

— Пять лет назад мой муж поехал рано утром на велосипеде. — Улыбаюсь, вспоминая Вадима в его форме. — Он тренировался к триатлону. — Замолкаю.

— Продолжайте.

— В... пять пятьдесят две его сбил пьяный водитель.

Все смотрят на меня.

— Он умер на месте. Ему было тридцать шесть, — переплетаю пальцы на коленях. — И я была уверена, что это и есть самый страшный день в моей жизни. — Я пытаюсь улыбнуться, подбирая слова. — Но я ошибалась. — Замолкаю.

Через паузу Елизавета Игоревна мягко подталкивает:

— Продолжайте, Александра.

— Гораздо хуже — видеть, как трое моих сыновей растут без отца. День за днем. — Глаза наполняются слезами. — Каждую субботу... — шепот едва протискивается наружу. — Каждую субботу мы ходим на их матчи. И когда у них что-то получается, они поднимают глаза на трибуны — ищут меня. — Я смотрю прямо перед собой, делая паузу.

— Не торопитесь, — тихо говорит она.

— Они такие гордые в этот момент... а потом я вижу, как лица меняются, когда они вспоминают, что папа этого не увидит.

Елизавета Игоревна кивает.

— Так что да, — пожимаю плечами. — Детская лига — самое тяжелое в моей жизни.

Группа молчит, и я краем глаза замечаю Константина, стоящего чуть в стороне от нашего круга. Руки в карманах, взгляд потемневший, пристальный.

Я опускаю голову. Хотелось бы забрать свои слова обратно.

Я не хочу, чтобы Константин Орлов знал меня. Знал про моих детей, про наши ежедневные битвы.

Между нами должна оставаться дистанция. Мое влечение к нему — это просто физика. Это ничего не значит.

— Хорошо, идем дальше. Михаил, расскажите о своем детстве, — переводит тему Елизавета Игоревна.

Около десяти вечера мы возвращаемся из ресторана.

Группа вялая и сонная. Не то что вчера — все устали.

День был тяжелым и, как ни странно, немного очищающим. Много копалась в себе и слушала, как другие делают то же.

Между нами, в нашей группе, незаметно возникла связь. Чувствую себя обнаженной и немного раздавленной, но и... странно облегченной.

Константин был на ужине, но сидел за другим столом, с

лекторами. Разговаривал, смеялся, спорил с каким-то мужчиной.

Сегодня он меня не донимает и не флиртует. Наоборот — утром, после моего «признания», он вообще ко мне не подошел. Думаю, для него это тоже стало слишком реальным.

Иногда — даже для меня.

Мы подходим к отелю, и я замечаю впереди круглосуточный магазинчик. Неплохо бы взять шоколад. Чашка чая и что-нибудь сладкое — идеальный финал дня.

— Я забегу в магазин, куплю кое-что. Увидимся утром, — говорю остальным.

— До завтра, — отзывается группа и исчезает в дверях отеля.

Я перехожу улицу, выбираю плитку шоколада и просматриваю книжную полку. Хм. Что почитать? Романы я больше не читаю, хорроры страшноваты, когда дети за тысячи километров.

Нет... ничего не цепляет. Ну и ладно, сама идея была приятной.

Плачу на кассе и выхожу обратно к отелю.

— Александра! — слышу голос из переулка сбоку.

Оглядываюсь — в темноте стоит Константин.

— Привет, — крепче сжимаю шоколад в руке.

— Хотел узнать, как ты, — говорит он.

«Как ты» — как у жертвы?

Лицо каменеет, в животе поднимается волна злости.

Ненавижу, что он слышал мое признание сегодня утром.

— Нормально, — отрезаю.

— Может, пойдем за бабушкиным чаем? — кивает в сторону кафе. На этот раз ни намека на что-то другое — он правда предлагает чай.

И тут меня прямо переключивает от его смены курса. С флиртом и шутками я справляюсь. А вот с этим — нет.

— Нет, — резко. — Не хочу. — Раздраженная, иду мимо и, не выдержав, оборачиваюсь: — Знаешь что? Да пошел ты.

— Что? — он напрягается.

— Не смотрите на меня так, Константин Владимирович.

— Как? — пораженно переспрашивает.

— Вот этим своим жалостливым взглядом, — бросаю. — Вы можете смотреть на меня с вожделением, можете с презрением. Но только не смейте меня жалеть.

Он молча смотрит.

— Единственный человек на свете, чьего сочувствия мне точно не нужно, — это вы.

Он делает шаг ближе.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы со мной обращались нормально, — срываюсь. — Не как с бедной вдовой Сашей Андреевой. — Развожу руками. — Как с обычной женщиной, которую вы не знаете.

Чувствую, как закипаю, делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Вглядываюсь в него:

— По крайней мере, когда вы ведете себя, как debil, я знаю, чего ждать.

Он резко сокращает расстояние, хватая меня за лицо и целует. Его язык прорывается между губ, спина упирается в стену.

— Поверь, Саша... последняя эмоция, которую я испытываю к тебе, — это жалость, — шепчет он между поцелуями.

Его язык скользит по моему, пальцы сжимают щеки почти больно.

Он подается вперед, вжимая меня в свою эрекцию. Чувствую, как он твердый.

Внутри все превращается в жидкий огонь.

Что-то во мне ломается, и я начинаю целовать его в ответ.
Целую, выкладываясь полностью — и, боже, как же это... хорошо. Глубоко, жадно, давно ожидаемо.

Он отстраняется, не отпуская мое лицо. Дышит тяжело:

— Что это за поцелуй, Александра Павловна?

Я смотрю на него, грудь ходит ходуном.

— Это ни разу не «просто поцелуй», — его пальцы сжимают мое лицо еще сильнее, он облизывает мои приоткрытые губы. От этого бесцеремонного жеста, от его напора все внутри сжимается. — Это голодный поцелуй, — мрачно шепчет, снова лениво проводя языком по моим губам. То, как он просто лижет мои открытые губы, абсолютно не считаясь с тем, что делает мой язык, заставляет хотеть, чтобы он лизал меня в другом месте. Каждый глубокий мышечный слой внутри

сжимается при мысли о его голове между моих ног.

— Ты голодна, Саша? — выдыхает он.

Умираю с голоду.

Я запускаю руку ему в волосы и притягиваю обратно. Целую его снова. На этот раз жестче, отчаяннее, как будто какой-то сексуальный резиновый жгут тянули годами — и вот он со щелчком лопнул.

Все правила отменяются.

Я не хочу быть несчастной вдовой. Хотя бы сегодня — хочу просто быть женщиной.

Его рука скользит к моей груди, и сознание на секунду проясняется. Туман возбуждения рассеивается.

Реальность догоняет. Стоп... что?

Что я вообще делаю?

Я резко отшагиваю от него.

— Что не так? — он хмурится, дышит сбивчиво.

Я прижимаю пальцы к виску, пытаюсь унять накрывшее возбуждение:

— Перестань уже, ладно?

— Перестать что?

— Я не интересуюсь тобой, Константин. И никогда интересоваться не буду. Отстань, — зло шепчу.

Он кривит лицо, не веря:

— Что?

— Ты все слышал.

— Я чувствую, как тебя ко мне тянет. Хватит врать.

— Ты бредишь, — огрызаюсь.

— Ты хочешь меня. Признай.

Он тянется ко мне снова, я отступаю еще дальше, из зоны досягаемости:

— Оставь меня в покое, Константин.

— Вернись, — приказывает.

— Да пошел ты.

Вернись.

Это слово еще никогда не звучало так одновременно жарко и неправильно. И — будь оно все проклято — мое тело отчаянно хочет сделать именно то, что он говорит.

Но я не позволю... потому что это просто гормоны, а он — законченный бабник.
И потому что завтра мне надо будет смотреть себе в глаза.

Я маршем влетаю в холл отеля.
Подальше от Константина.

Этот мужчина — дьявол. И соблазнителен, как грех.

Глава 5

Я сижу в переполненном зале и смотрю на все будто со стороны. Люди внимательно слушают лекцию про мышление, что-то записывают, выполняют задания.

Все — кроме меня. Концентрироваться не получается совсем.

Я в состоянии сенсорной перегрузки.

Константин Орлов ходит кругами по залу. Как грациозная пантера, он скользит между рядами, наклоняется к людям, помогает с заданиями, подбадривает тех, кто делится вслух.

Не знаю, что на меня нашло и почему в голове вдруг поселились такие мысли. Вчерашний поцелуй что-то внутри открыл... и теперь у меня вопросы.

Очень плотские вопросы.

На нем идеальный темно-синий костюм и кремовая рубашка с желто-серым клетчатым галстуком. Пиджак он уже снял и бросил на спинку стула — и каждая мышца в моем теле будто облегченно выдыхает по этому поводу.

Рукава закатаны, открывая сильные руки до локтей и широкую грудь под тканью. С моего места отлично видно и его спину, и зад — подтянутый, плотный, бедро — мощное, рельефное. Волосы темные, волнистые, кожа... Господи, эта кожа: теплый бронзовый оттенок, оливковый, к нему идут его большие карие глаза. Мне вообще не положено на него

смотреть — не то что глазеть.

Но я не могу остановиться. И, если честно, не уверена, что хочу. Каждая клеточка моего тела тянется к нему, а в голове всплывают Машины слова с первого дня о том, как она бы свистнула этому красавцу, — теперь звучат как вызов.

Идеальный самец.

Хороший кандидат для того, чтобы «переспать и хвастаться». Уверена, Константин Орлов способен уговорить кого угодно лечь под него и умолять развести ноги шире. Я представляю, как он стягивает рубашку в конце кровати, и живот сладко сжимается. Счастливицы, кто реально может на это решиться и «выпить» его до дна, как горячий шоколад.

Я невольно усмехаюсь своей метафоре, опуская глаза в блокнот. Константин Орлов — как шоколад. Богатый, роскошный, тающий, дарит эйфорию... а в итоге разрушает здоровье и до мозга костей вреден.

Он медленно поднимается по ряду позади меня, и до меня доносится шлейф его парфюма. Будто тело само разом вдыхает, почувствовав его приближение. Я замираю с ручкой в воздухе, уставившись вперед, изо всех сил пытаюсь сосредоточиться. Чем ближе он подходит, тем сильнее по коже бегут мурашки.

У меня никогда не было такой звериной тяги к человеку. Это странно.

Я думала о нем всю ночь — и точно не в духе «какой он хороший человек».

Скорее о том, как он швыряет меня на кровать и устраивает мне полноценную встряску.

Он мне не нравится. И все равно... единственное, о чем я думаю, — как бы раздеться рядом с ним. Это не похоже на меня: я не из тех женщин, кто мыслит вагиной.

Но мысль о том, чтобы хоть раз в жизни сойти с ума с таким мужчиной, так манит.

В замедленной съемке он приседает рядом со мной.

— Нужна помощь, Александра? — шепчет.

У меня перехватывает дыхание, когда я встречаю его взгляд.

Да. Еще как нужна.

— У меня все нормально, — так же тихо отвечаю. — Спасибо.

Мы смотрим друг на друга на секунду дольше, чем нужно. Между нами течет ток, он есть каждый раз, когда мы оказываемся близко.

Интересно, он это тоже чувствует... или так на него реагируют все женщины?

— Ты поедешь на винный тур после обеда? — шепчет он.

Я киваю, не в силах вытолкнуть ни слова.

Он мягко улыбается:

— Тогда увидимся там. — Поднимается легко, выпрямляется и идет дальше, оставляя за собой шлейф аромата.

Неожиданный трепет пробегает по телу, я опускаю взгляд в блокнот, пораженная своей реакцией.

Что я надену?

Меня передергивает от себя самой: я только что всерьез об этом подумала.

Нет.

Константин Орлов — табу.

Хватит. Что бы ты там ни придумывала — остановись.

Щеки болят от смеха, алкоголь приятно греет лицо.

Это уже шестая винодельня, финальный пункт тура, и всего лишь десять вечера.

С каждой новой дегустацией мы становились все безумнее. Когда автобус остановился у этого места, мы практически вывалились из него, хохоча. День оказался неожиданно крутым.

Кто бы мог подумать, что эта конференция вообще будет веселой. Я точно не ожидала.

Мой взгляд сам тянется к мужчине, сидящему в одиночестве у стойки бара. Константин.

Сегодня мы общались только в группе, и, хотя взгляды постоянно цеплялись друг за друга через круг, к нашему вчерашнему поцелую никто не вернулся ни словом.

— Погнали еще на десерт и портвейн, — предлагает Диана. — В паб.

Группа смеется, обсуждает планы, наперебой строит маршруты, но мои глаза остаются прикованы к нему.

Да ну с ним... подойди.

Поговорить — не преступление. И потом, я все больше склоняюсь к мысли, что у него есть другая сторона, не та, что я увидела в первый день.

Хотя, может, это вино нашептывает.

Пока остальные болтают и гогочут, я делаю вдох и иду к бару.

— Здесь свободно? — спрашиваю.

Он поднимает взгляд, уголки губ слегка приподнимаются:

— Прошу.

Я сажусь рядом на высокий стул, подходит бармен:

— Что будете?

— Еще бокал вина, пожалуйста.

— Конечно. — Он смотрит на Константина: — Вам еще коньяку?

— Да, — отвечает тот, глядя перед собой, руки сцеплены перед ним. — Долго же ты собиралась, Саша.

— Это что сейчас значит?

Он бросает взгляд на дорогие часы:

— Уже десять.

— Ну, если это поздно, я могу уйти, — поддеваю, делая вид, что собираюсь встать.

— Сядь. — Он усмехается. — Тебе повезло, что сегодня тихо.

Бармен ставит передо мной вино, я поднимаю бокал, пряча улыбку.

— Кому это повезло?

Он тихо смеется и чокается своим стаканом о мой:

— За Розу Хутор.

— За Розу Хутор, — шепчу в ответ. Наши глаза сцепляются, я делаю глоток. Холодные пузырьки растекаются по телу огнем.

Он, не отводя взгляда, слизывает остатки скотча с губ.

— Тебе, наверное, не стоит так на меня смотреть.

Между нами искрит электричество, остальной зал на время исчезает.

— Как?

— Как будто хочешь меня сожрать живьем.

Живот сжимается:

— Самоуверенно, Константин Владимирович.

— Зови меня Костя.

Я прикусываю щеку, чтобы не улыбнуться шире. Мне нравится эта игра.

— Буду называть тебя так, как захочу, — выговариваю одними губами.

Он резко втягивает воздух и невольно поправляет брюки в районе ширинки.

То, как он поправляет брюки и касается себя, творит с моими внутренностями неприличные вещи — между ног начинает глухо пульсировать.

— С чего ты вообще взял, что я хочу тебя «съесть»? — шепчу.

Его взгляд падает на мои губы:

— Потому что сам хочю тебя есть. А хорошие манеры — это взаимность.

Я хихикаю от его наглости:

— Боюсь, с манерами у меня не очень.

В замедленной съемке он поднимает тяжелый хрустальный стакан, улыбается, поднося его к губам:

— Значит, образ мученицы тебе заходит?

— С чего это я мученица?

— Ну... — он пожимает плечами. — Ты продолжаешь повторять, что я тебе не нравлюсь. И при этом...

— И при этом что? — шепчу.

— И при этом я это чувствую, — тихо произносит. — Твое тело зовет мое.

Наши взгляды сцепляются, воздух выходит из легких.

— Каждый раз, когда я рядом, ощущаю, как наши тела разговаривают друг с другом. Не говори, что ты этого не чувствуешь — знаю, что чувствуешь, — шепчет он.

Мы смотрим друг на друга слишком долго, воздух между нами буквально закручивается спиралью.

— Ты собираешься дать своему телу то, что ему нужно? — спрашивает он, поднимая бокал к губам.

Я опускаю голову, ошарашенная этим его шестым чувством:

— Боюсь, не могу.

— Почему?

— Потому что ты не тот мужчина, которого я...

— Люблю? — подсказывает с легкой усмешкой.

Я прикусываю язык, чтобы не сказать лишнего.

— Расслабься. Ты тоже не женщина, которую я хотел бы полюбить. Не забегай вперед, — лениво отрезает он.

Я выдыхаю, почти с облегчением.

— Но... то, что происходит в поездке, остается в поездке, — добавляет он.

В животе вспархивают бабочки от одной мысли о тайном сексе с этим мужчиной.

Он переводит взгляд вперед, будто что-то прикидывает, затем его взгляд темнеет, он отпивает глоток.

— Что? — спрашиваю.

— Ты же понимаешь, что однажды мы все равно... переспим, — небрежно бросает он.

Я смотрю на него, а в голове мелькает миллион откровенных картинок.

— Такая тяга никуда не исчезает, Саша.

По рукам бегут мурашки: он тоже это чувствует.

— Так что, как я это вижу... мы можем использовать эти дни вдали от дома с максимальной пользой, — спокойно продолжает он.

— Или? — задаю вопрос.

Его темные глаза встречают мои:

— Или мы вернемся в Москву, и я просто буду ждать, пока ты сдашься. И тогда я трахну тебя прямо на твоём столе. Это будет жестко, мокро и грязно. И кто знает, кто может в

ЭТОТ МОМЕНТ ВОЙТИ В КАБИНЕТ.

Я моргаю, потрясенная:

— Ты уж больно в себе уверен.

— Я всегда получаю то, что хочу. — Он медленно, хищно улыбается. — А хочу я — тебя.

В животе снова вспыхивает нервный огонек:

— Почему?

— Видишь ли... — он медленно оглаживает край стакана, — я мог бы притвориться, что хочу узнать тебя поближе, подружиться, поизучать твою личность — весь этот бред. — Делает глоток. — А могу просто сказать правду.

— А правда какая? — едва слышно выдыхаю.

Наши взгляды не расходятся.

— Меня дико заводит мысль о том, как ты будешь меня ненавидеть, пока я тебе отлизываю, — шепчет он.

Где-то вдалеке начинает гулко биться пульс, отдаваясь в ушах.

Он склоняется ближе к самому уху:

— Я хочу услышать, как ты стонешь, Саша, — выдыхает. Его теплое дыхание щекочет кожу, по спине пробегают мурашки. — Это единственное, о чем я думаю. Мой член весь день ноет по тебе.

Господи.

— То есть ты даже не ждешь, что я тебе понравлюсь? — спрашиваю, пораженная этим предложением.

— Как человек? — он чуть пожимает плечами. — Как

партнер, которому ты доверишь свое тело, — да.

— А что-то большее?

— Ни в коем случае.

Я отпиваю вино, переваривая услышанное:

— Я не та женщина, которая делает такие вещи, — шепчу.

— А я именно тот мужчина, который делает. Тебе даже говорить не придется — все сделаю сам, — мягко произносит он.

Атмосфера снова накаляется.

Вот он — момент. Либо шанс вытащить ту женщину внутри, которую я потеряла, либо еще один раз, когда я отступлю. У меня два варианта: уйти одной и потом всегда жалеть об этом вечере — или заняться честным сексом с мужчиной, к которому невозможно привязаться по-настоящему.

— Мы идем в погреб, — весело говорит Никита, подходя сзади и руша заклинание. — Вы с нами?

Я смотрю на нашу компанию у двери — все уже ждут остальных, и понимаю, что пора решать.

— Эм... нет. Я, наверное, все. Пойду спать.

— А, ну ладно, — Никита поворачивается к Константину: — А ты?

— Нет. Я жду здесь... подругу. Она еще не подошла, — без малейшей паузы врет он.

Никита улыбается:

— Везет. Повеселись и за меня. — Шлепает его по спине и кивает нам обоим: — Тогда спокойной ночи. До завтра.

— Спокойной, — отвечаем в унисон.

Группа машет и, громко переговариваясь, выходит из бара.

Константин переводит взгляд на меня:

— К тебе или ко мне?

— Ко мне, — отвечаю, не задумываясь.

Я открываю дверь в свой номер, он стоит совсем близко сзади — его дыхание обжигает шею. Кажется, я сейчас либо упаду в обморок, либо кончу стоя. Ни тот, ни другой исход не выглядит особенно достойно.

Он ногой захлопывает дверь и, не говоря ни слова, берет мое лицо в ладони и целует, ведя меня назад к кровати. Его язык глубоко входит в мой рот, он крепко прижимает меня к себе, по спине у меня бегут мурашки.

Что бы ни случилось дальше... этот мужчина умеет целоваться. Отлично умеет.

Наши языки переплетаются, я даже не могу открыть глаза, чтобы на него посмотреть.

Я настолько растворяюсь в моменте, что это уже почти нелепо.

— Господи... — шепчет он мне в губы.

Я тихо смеюсь.

— Быстрее... блин, — выдыхает он и с нетерпением принимается за пуговицы рубашки.

— Что за спешка?

— Спешка в том, что я хочу увидеть тебя голой. А ты не разденешься, пока не разденусь я. Закон наготы.

— Есть закон наготы?

— Все знают. — Он закатывает глаза. — Я же просил не разговаривать, помнишь?

Я смеюсь. Боже. С ним весело.

Он рывком стаскивает рубашку с плеч, и у меня перехватывает дыхание. Широкий, накачанный, полоска темных волос, уходящая вниз.

Святое... да чтоб тебя.

Вдруг становится страшновато.

Меня очень давно никто не видел голой... господи.

Отбой миссии.

Он берет мои пальцы и кладет их на молнию своих брюк. Смотрит прямо в глаза и губами беззвучно произносит:

— Снимай все.

Сердце делает кульбит, я медленно стягиваю молнию. Кончик его члена виден над поясом белья, на головке блестит капля смазки. Живот сводит — от страха, ожидания и ужаса вперемешку. Он разводит руки в стороны и улыбается сверху вниз:

— Давай.

Я спускаю брюки, затем трусы. Его член большой, толстый...

Ох... блин.

Я глубоко вдыхаю, глядя на него. Красивый мужчина. Ли-

цо, тело, и размер — все при нем. Я молча люблюсь... просто вау.

Он темнеет в улыбке:

— Моя очередь.

Щеки надуваются сами.

— Я...

Его губы опускаются к моей шее, я закидываю голову к потолку. Пальцы медленно расстегивают пуговицы на шелковой блузке, я дергаюсь и чуть отстраняюсь.

— Что?

— Я... давно...

Он смотрит, ожидая.

— Я...

— Ты что? — мягко целует меня, подталкивая к ответу.

— Я очень давно не занималась сексом, — выдыхаю.

У него меняется лицо — догадка складывается.

— С тех пор?

Я просто киваю.

— Офигеть... вот это нагрузка, — выдыхает он.

— С чего это нагрузка? — бормочу, запинаясь.

Он скидывает руки:

— Ну как... блин. — Возвращается к пуговицам, скидывает блузку в сторону, останавливается и, улыбаясь, оглядывает меня.

Я зажмуриваюсь — настолько нервничаю, что боюсь смотреть на него.

Он стягивает с меня юбку, и я остаюсь в лифчике и трусиках. Расстегивает бюстгальтер, губы опускаются к соскам, пока он медленно спускает трусики и швыряет их куда-то.

Его взгляд медленно проходит по моему телу сверху вниз, затем снова поднимается к лицу. Он мягко улыбается.

— Не надо, — шепчу, смущенная. — Я же совсем не как те женщины, с которыми ты обычно спишь.

— С чего ты взяла? — шепчет он, касаясь губами моих.

— Я...

— А, ты про вот это? — его ладони скользят по моим бедрам. — Чуть-чуть целлюлита, — шепчет. Пальцы легко касаются живота. — Пара растяжек. — Он берет меня за мягкий «кармашек» на животе и чуть подтягивает его, и я невольно улыбаюсь ему в губы. — Шрам от кесарева, — проводит пальцем по полосе ниже. Его руки поднимаются к груди — немного опустившейся, уже не такой полной, как до родов. Он берет соски — большие, от кормления — и аккуратно их щиплет.

Сердце колотится — он трогает все мои комплексы.

Он разводит руки:

— Похож я на мужчину, которому не нравится то, что он видит? — шепчет.

Я бросаю взгляд на его эрекцию... и сразу опускаю глаза.

— Саша, — он поддевает пальцем мой подбородок, поднимает лицо. — Ты красивая, — шепчет, целуя. — Офигенно красивая.

Он целует снова — мягко, нежно, заботливо. Совершенно не так, как я ожидала.

— Ты носишь свои комплексы здесь, — он щипает низ живота. — А мои — внутри. Это что, значит, их нет?

— Так и знала, — улыбаюсь в его губы.

Он хватается меня за бедра и швыряет на кровать, затем нависает сверху.

— Полегче, пожалуйста, — шутливо просит он. — Не покалечь меня.

Я взрываюсь смехом — это самое абсурдное, что я слышала.

— Придурок.

Он опускает руку вниз и проводит пальцами по моей влажной щели. В глазах вспыхивает огонь:

— Хм... мокренько, — протягивает.

Он наклоняется и захватывает сосок ртом, сильно втягивая его, одновременно погружая в меня два пальца.

— Ох... Господи, — спина выгибается дугой, пока он начинает двигать пальцами.

— Разведи, — шепчет.

Я расправляю ноги по матрасу. Сначала он двигается медленно, давая мне привыкнуть, потом набирает темп. Пальцы входят все глубже и жестче.

Ощущение одновременно чужое и новое, я выталкиваю из головы страх.

Это один раз... просто позволь себе это.

Все тело подбрасывает на матрасе от его темпа.

Да, блин... мне это нужно. Мне это так было нужно.

Звук того, как моя влажность хлупает вокруг его пальцев, громко раздается в комнате. В его взгляде — такой торжествующий огонь, что от него становится еще горячее.

— Сожмись, малышка, — шепчет он. — Дай мне ощутить то, что я сейчас получу.

Я с силой сжимаюсь вокруг него, глаза у него закатываются. Он ускоряется, и я вскрикиваю, когда оргазм накрывает резко и мощно. Тело содрогается, судорога отрывает меня от матраса.

Он морщит лицо, продолжая двигать пальцами, пока волны проходят по моему телу.

Затем почти сразу приникает ближе.

— Презерватив, — выдавливаю сквозь туман.

— Блин, — он вскакивает, хватается брюки, шарит по карманам, затем замирает в ужасе: — Да что за... У меня только один. Как так — только один? — бормочет, уже надевая его.

Я скидываю брови:

— Что за ловелас из тебя?

— Несобранный, как видно, — бурчит он, снова опускаясь на меня. Раздвигает мои ноги и одним резким толчком входит. Веки у него дрожат.

— Андреева... — выдыхает, медленно выходя.

Я смотрю на него снизу вверх и улыбаюсь в восхищении.

— Могу с радостью сообщить... вагина — идеальный эк-

земпляр, — выдыхает он сквозь зубы. — Тут никаких комплексов.

Я взрываюсь смехом:

— Заткнись уже, идиот, и трахни меня.

Он расставляет колени шире, входит глубоко, и мы находим общий ритм. Делает какое-то круговое движение бедрами, от которого я просто схожу с ума, и начинаю выгибаться под ним.

Глаза у него закатываются.

— У тебя страшная «секс-рожа», — выдыхаю.

Он тоже смеется:

— Я же говорил — без разговоров.

Мы оба хихикаем, но он быстро становится серьезным, на секунду замирает, глядя на меня, и снова входит глубоко. Все ощущается таким живым и настоящим.

— Тебе нужно кончить. Тебе нужно кончить, — лепечет он. — Я не выдержу. Тебе нужно кончить, — почти как мантру повторяет. — Саша. — Морщит лицо, будто от боли.

— Нет, — огрызаюсь. — Я еще не готова. — Встречаю его глубокие толчки, и это очень хорошо.

— Ну нафиг... — я чувствую знакомый рывок его члена, он громко стонет и срывается в бешеную серию глубоких движений, полностью опустошаясь.

Боже, я могла бы заниматься этим с ним до утра.

— Костя, — шепчу. — Это что вообще... так быстро? — поддеваю его. Если честно, меня это восхищает: он был на-

столько заводной, что не смог удержаться. Для меня дело не в оргазме. Дело в контакте, которого так давно не было, но об этом я ему никогда не скажу.

— Это не моя вина, — возмущенно выдыхает он. — Нелзя быть такой нереально приятной. Со мной такого не бывает.

— Один презерватив, — шепчу. — Серьезно? — переводя дыхание.

— У меня есть еще один способ трахнуть тебя без риска беременности, — мрачно улыбается он.

Я хихикаю. Да, с ним правда весело.

— Забудь, Константин Владимирович. Тебе досталась только одна попытка.

Я переворачиваюсь и чувствую руку на голом бедре. Морщусь. А? Блин.

Глаза распахиваются. Константин Орлов в моей кровати. Мы занимались сексом.

Я занималась сексом с Константином, мать его, Орловым. Блин... дура.

Я трясу его за плечо:

— Костя, — шепчу. — Костя, проснись.

— А? — он хмурится, приподнимается на локте. — Что случилось?

— Тебе надо уйти, — шепчу. Сама не понимаю, почему шепотом — нас все равно никто не слышит.

— Что? — он оглядывается, не понимая. — Зачем?

— Потому что сейчас пять утра, скоро все начнут просыпаться, и я не хочу, чтобы кто-то видел, как ты выходишь из моего номера.

Он хмурится еще сильнее:

— Почему?

— Потому что тогда я официально стану фанаткой, которая переспала с лектором на конференции.

Он падает обратно на подушку и зажимает переносицу пальцами:

— Ты уже фанатка, которая переспала с лектором на конференции.

— Это не смешно, — шиплю. — Быстро, вставай.

— Ранишь мои чувства, — усмехается он, выбираясь из постели. — Выгонять меня из кровати посреди ночи... такой холодности я еще не встречал.

— Заткнись, — шепчу. — Иди. — Указываю на дверь.

Он, улыбаясь, натягивает брюки:

— Как ты смеешь так обращаться с моим телом?

Я падаю обратно на подушку:

— Ты идиот.

Он наклоняется ко мне, улыбается:

— А ты очень горячая. — Целует. — Спокойной ночи, Саша.

— Уже утро, — улыбаюсь в ответ.

Он надевает пиджак и направляется к двери.

— Константин Владимирович?

Он оборачивается.

— Напоминаю: первым мое имя застонал ты, — сладко говорю.

Он закатывает глаза:

— Спорный момент. — Дверь защелкивается, а я улыбаюсь в потолок как идиотка.

Это было... неожиданно весело.

Просыпаюсь рывком — в комнате слишком светло.

Что за...

Нащупываю телефон на тумбочке: 8:45.

Ну вот почему? Занятия начались в восемь. Глаза расширяются.

Боже. Я вылетаю из кровати и бегу в душ.

Блин.

И одежда мятая — катастрофа. Почему я не могу быть организованной?

Моюсь за рекордное время, хватаю одежду и мечусь по номеру, натягивая ее на бегу. Прыгаю на одной ноге, крашу ресницы, ищу туфли.

Трусы Константина валяются посреди комнаты — сгребаю их и засовываю в чемодан. Оглядываюсь в поисках карточки. Где она?

Ладно, потом возьму новую на ресепшене. Хватаю сумку и вылетаю.

Через десять минут влетаю в конференц-зал: все сидят и слушают лектора.

Я запыхавшаяся, и весь зал синхронно поворачивается ко мне.

— Эм... доброе утро, — выдыхаю. — Кажется, будильник... эм... не сработал. Простите за опоздание.

Лектор жестом указывает на свободный стул:

— Все в порядке. Присаживайтесь.

Я лавирую между рядами и прячусь на заднем стуле. Блин. Хочется провалиться сквозь землю. Выгляжу максимально непрофессионально.

Краем глаза вижу, как Константин прикусывает губу, сдерживая улыбку, при этом внимательно слушая лекцию. Ни разу не смотрит в мою сторону. Абсолютно спокойный, собранный, как всегда. На нем темно-серый костюм, будто только что с обложки. Чисто выбрит, безупречен. Ни один волос не выбился.

Прикусываю щеку, чтобы не начать идиотски улыбаться.

Я знаю, что под этим костюмом — и, чтоб его, это очень сексуальный вид.

Мы сидим в кафе и пьем кофе на дневном перерыве.

Константин за столиком со своими тремя поклонницами, а я болтаю с Никитой и еще одним парнем, Петром.

Он ни разу не упомянул прошлую ночь, и я уже начинаю думать, не приснилось ли мне все. Хотя, учитывая, что мы

ни разу не оставались наедине, в этом есть логика.

Ни одного взгляда в мою сторону.

— Константин, — протягивает Сабина максимально сексуальным голосом, — так что насчет сегодняшнего? Ты же обещал потусить с нами.

Его взгляд виновато соскальзывает на меня:

— Нет. Не смогу. Занят.

Я тянусь к чашке и спокойно наблюдаю, как он выкручивается.

— Чем? — Сабина хмурится.

— У нас с Александрой осталось незавершенное... — пауза, — дело. Вчера начали, но нужно еще доработать.

У девушек лица моментально вытягиваются.

— Да бросьте, Константин, — вмешиваюсь я. — Я все... доделала сама, когда вы ушли.

Он моргает, потом прищуривается:

— Вот как?

— Ага, — невинно отпиваю кофе.

Он смотрит с прищуром.

— Думаю, поэтому я так хорошо спала. Прямо облегчение — наконец все довести до конца, правда?

— Я бы сделал лучше, — сухо парирует он.

— Да только не сделали, — сладко улыбаюсь. — Я берегла вам силы. Идите, повеселитесь с девочками. Уверена, с ними будет очень весело.

— Да! — зашебетали они хором, а он смотрит на меня

каменным лицом.

Звенит звонок, зовущий обратно в зал, все встают и уходят, оставляя нас вдвоем.

— Значит, закончила работу, да? — тихо шепчет он.

Я пожимаю плечами:

— Нужно было — сделала.

Он поднимается, застегивая пиджак одной рукой, недовольно:

— Умница нашлась.

— Повеселись сегодня с девочками, — шепчу. — Хотя я, честно говоря, не представляю, как ты справишься сразу с тремя.

— Ты у меня за это ответишь, — огрызается он и уходит к залу.

Улыбаюсь ему вслед.

Внутри словно шевельнулась какая-то давно спавшая часть меня — игривая, легкая.

Та, которую я давно потеряла.

Константин будто напоминает, какой я была... до того.

Ванная залита паром, вода горячая, я сонно улыбаюсь, уронив голову на край. Около десяти вечера, я настолько расслаблена, что почти засыпаю.

Слышу, как щелкает замок входной двери, хмурюсь. Что за...

Может, это уборка? Дверь закрывается.

— Эй? — окликаю.

— Привет, — в дверях ванной появляется Костя. Снимает пиджак и кидает его на стул в углу.

— Что ты делаешь? — приподнимаюсь.

Он продолжает раздеваться.

— Как ты сюда вошел? — хмурюсь.

— При помощи карты, — он сбрасывает туфли.

— С какого перепугу у тебя есть карта?

Расстегивает брюки:

— Я поступил так, как любой уважающий себя мужчина, которого среди ночи выкинули из постели. — Снимает рубашку. — Утащил твою.

Глаза расширяются:

— Ты украл мою карту?

— Одолжил. Расслабься, мы уже обменивались биологическими жидкостями. Что твое — то мое, — стягивает брюки и трусы. — Подвинься. Я к тебе.

— Костя...

Он заходит в ванну между моих ног и опускается в воду. Вода выплескивается через край.

— Слишком горячая, — морщится и тянется к крану с холодной.

— Даже не думай, — бурчу.

Он улыбается, соскальзывает пониже и закрывает глаза. Вода вновь переливается через бортики.

Я смотрю на него пару секунд:

— Как прошло свидание?

— Это не было свиданием.

— Ладно, как прошла твоя оргия на четверых?

— Тебе понравилось, да? — бормочет. — Повод подкалывать меня до конца жизни.

Волосы растрепаны, мальчишеское обаяние зашкаливает.

Я невольно улыбаюсь — совершенно не того я ожидала от него. Никогда бы не подумала, что с ним может быть так легко.

Он приоткрывает один глаз:

— Что?

— Вы правда очень красивый мужчина, Константин Владимирович.

Он усмехается:

— Это сейчас комплимент от вас, Александра?

Я медленно киваю с широкой улыбкой.

Его рука скользит вверх по моей ноге:

— Ты правда вчера сама все закончила?

— Тебя бы это задело?

— Да. Еще как, — серьезно говорит он.

Я беру его ступню, целую и кладу обратно себе на грудь, между грудей:

— Нет, Константин, не закончила.

Он какое-то время смотрит, будто обдумывая что-то. Начинает массировать грудь ступней:

— Ты врешь?

— С чего бы?

— Не знаю, — он задумывается. — Ты вообще какая-то другая порода женщин, не как те, к которым я привык, Саша.

— Это как?

— Тебя ни капли не задело, что я сегодня гулял с тремя женщинами?

Я улыбаюсь. В других обстоятельствах я бы, наверное, взбесилась. Но, зная, что с Константином у нас только секс и никогда не будет «отношений», я, к собственному удивлению, спокойна.

— Нет. А должно было? — снова поднимаю его ступню и целую. — Это должно меня волновать?

— Не знаю, — он хмурится, обдумывая ответ.

— Хочешь, чтобы я изображала ревность? — спрашиваю.

Он криво улыбается:

— Пожалуй, чуть-чуть. Вреда не будет.

— Константин, — шепчу, входя в роль.

— Да?

— Я думала, между нами что-то особенное. Как ты мог так со мной поступить?

Он прикусывает губу, пряча улыбку:

— Уже лучше.

— После всего, через что мы прошли, я была уверена, что я — та самая, — шепчу драматично.

Он расплывается в улыбке — игра ему нравится.

Я осторожно надвигаюсь и ложусь на него сверху. Его

большие руки обхватывают меня, и мои губы находят его.

— Мне даже нравится, когда ты ревнуешь, — шепчет он.

Я улыбаюсь в поцелуе, скользя влажной щелью по его вставшему члену.

— Презервативы купил?

Он усмехается:

— Взял оптом.

На его коже проступает легкий блеск пота, он смотрит на меня темными глазами.

Константин.

Константин, чтоб его, Орлов.

Секс-бог высшей категории.

Не знаю, тот ли это мужчина, с которым я спала вчера. Тот, что со мной сегодня, — абсолютная легенда в постели. Я в полном восторге.

Мы трахаемся больше часа. Как звери, не можем остановиться. Кончаем, болтаем немного, он целует меня — и все начинается заново.

Это как ультрамарафон.

Мы оба мокрые от пота, и такого секса у меня никогда не было.

— Давай, — шепчет он. Хочет жестче, ближе. Я закрываю глаза и сжимаюсь. Его руки крепко держат мои бедра, направляя меня именно туда, куда ему нужно.

Толчки становятся сильнее... глубже.

— Да, — стонет он. — Да. — Пальцы впиваются сильнее.

Я тоже закрываю глаза и начинаю стонать. Блин... сколько раз может кончить в женское тело за ночь? Это безумие.

— Саша, — рычит он, когда я теряю ритм. — Возьми меня.

— Ох, — выдыхаю, глядя сверху вниз на этого красавца подо мной. Волосы растрепаны, глаза потемнели, лицо сияет удовлетворением. Это его стихия.

Секс — его конек.

Есть причина, по которой в голове всплыло «Константин, чтоб его, Орлов». Это было предвидение.

Он перекидывает меня на спину. Поднимает мои ноги себе на плечи и нависает лицом к лицу.

Мы замираем, глядя друг на друга.

Его тело глубоко во мне; жгучая грубость обладания держит меня в плену.

Он мягко улыбается, и в животе порхают бабочки.

Не смотри на меня так.

— Поцелуй меня, — выдыхает. — Мне нужно, чтобы ты меня поцеловала.

Я зажмуриваюсь, отгораживаясь от него. Блин. Это не то.

Нужна дистанция — сейчас его слишком много. Слишком интенсивно, слишком лично.

Слишком... интимно.

— Открой глаза, — командует он.

Я медленно поднимаю веки.

— Поцелуй меня, — шепчет.

— Я кончаю, — шепчу я, еле держась на грани.

— Все хорошо, малышка, — он убирает волосы с моего лба. — Я тебя держу.

Ищу в его глазах ответ. Сопротивление уходит, и в тот миг, когда я отдаю контроль, его губы находят мои.

Мы целуемся долго. Его язык скользит во рту, повторяя ритм бедер.

Он начинает стонать — длинные, удовлетворенные выдохи, — и моя голова откидывается на подушку.

— Саша... это так офигенно хорошо.

Рот раскрывается, и я содрогаюсь, когда оргазм проносится через тело как товарный поезд.

Глаза у него закатываются, он выпрямляет руки, расставляет ноги шире и входит максимально глубоко. Откидывает голову назад и громко стонет. Я чувствую знакомый рывок члена — он кончает снова.

Я отворачиваюсь в сторону, чтобы отстраниться. Он залез мне под кожу, и нужно срочно его оттуда вытряхнуть.

— Эй, — тихо говорит он.

Я все еще смотрю вбок, тяжело дыша. Слезы подступают. Я полностью переполнена.

— Саша.

Поднимаю на него взгляд. Мне нравится, когда он так зовет — игриво, без задней мысли... не так глубоко и эмоционально, как сейчас во мне все клокочет. Его глаза держат мои, и будто прочитав мысли, зная, что именно мне нужно

в этот миг, он выдает:

— Неплохо трахаешься для старой тетки.

Это самое неожиданное, что я слышала. У меня вырывается смешок, я широко улыбаюсь — и взрываюсь смехом. Боже. Этот мужчина меня доконает. Смеюсь в голос, уставившись в потолок:

— Только ты так мог.

Не выдерживая больше, он падает на меня сверху, тоже хохоча.

Выскальзывает из меня, целует еще раз и вскакивает в ванную.

Тело все еще пульсирует от его напора, я на грани безумия. Лежу в темноте, тяжело дыша, пока эмоции кружат вихрем. Насыщена, полна, вся вялая — и странный укол страха в темном углу разума. Гашу его мгновенно.

Он отходит от кухонного уголка и протягивает стакан воды:

— Держи.

Поднимаюсь на локте, беру:

— Спасибо.

— Голос охрип от того, что всю ночь стонала «Костя», — пожимает плечами. — Это минимум того, что я мог сделать.

Хихикаю:

— Гордишься собой?

Он упирает руки в бедра, выпячивает грудь. Теперь расслабленный, естественный — но такой же красивый:

— На десять футов вырос, не меньше.

Улыбаюсь и похлопываю по кровати рядом. Этот мужчина — сплошной сюрприз, будто два человека в одном. Для мира — жесткий снаружи, а как только раздевается со мной — другая сторона. Этот Константин куда привлекательнее, и я гадаю, сколько народу видит его таким.

— Гордиться есть чем. Я впечатлена.

Он забирается в постель, притягивает меня в объятия, я кладу голову ему на грудь:

— И, прежде чем выкинешь меня через пару часов, — говорит он, — у меня утро свободно. Я буду лежать здесь, пока все не уйдут на конференцию, и только потом свалю. — Целует в висок.

— А если ты останешься, — шепчу, — как я затащу сюда другого любовника с конференции на утренний секс перед завтраком?

Он тянется вниз и сильно щиплет сосок:

— Заткнись, а то затрахую тебя до комы.

Взрываюсь смехом, пытаюсь вывернуться:

— Ты это уже сделал.

— Сделаю еще раз.

Группа смеется над шуткой лектора, пока он ходит по залу.

Три часа дня, и, блин, я готова признать, что Маша была права: эта конференция — именно то, что нужно. Чувствую

себя посвежившей, полной энергии — конечно, ночная компания тут не последнюю роль сыграла, но это сработало.

Достигла цели — чистый, незахламленный разум. Готова сосредоточиться и вкалывать следующие полгода. Даже думаю записаться на следующую конференцию пораньше, чтобы словить скидку.

— Здравствуйте, — голос Константина раздается сбоку. Все удивленно оборачиваются.

На нем светло-голубой костюм, белая рубашка, дорогие коричневые туфли, прическа идеальна.

Хочется расплыться в улыбке, но держу нейтральное лицо.

— Константин Владимирович, — приветствует лектор.

— Извините за вторжение, просто пришел попрощаться, — обращается он ко всем.

Бросаю взгляд к двери — там его черный кожаный чемодан и чехол для костюма.

Что?

Он уезжает?

Он проходит к центру зала:

— У меня срочная встреча в Геленджике, так что на этом для меня все. Рейс через пару часов, еду в аэропорт. — Улыбается, оглядывая всех.

Что?

— Поздравляю вас с тем, чего вы достигли на этой неделе, — продолжает. — Вы можете гордиться, что вышли из зоны

комфорта и приехали сюда. Успех — это не случайность, это мышление. Применяйте то, чему научились, и не забывайте отмечать маленькие победы. — Засовывает руки в карманы, шагает по сцене. — Жизнь одна. Хватайте ее обеими руками.

Глаза скользят по залу, и я жду, когда остановятся на мне.

Посмотри на меня.

— Давайте поблагодарим Константина Орлова аплодисментами, — объявляет лектор. — Очень занятой человек, и неделя его времени в корпоративном мире — почти подвиг. Спасибо, Константин Владимирович.

Все хлопают, он скромно кланяется. Сердце колотится в панике. Он уходит.

Посмотри на меня.

Он поднимает руки, хлопает вместе с залом, затем поворачивается к двери, берет чемодан. Последний взмах рукой — и уходит, не оглянувшись. Я смотрю на закрывшуюся дверь. Даже не попрощался?

Опускаю голову.

Блин.

Знала же, чего от него ждать. Знала, что он холодный, душу высасывающий подонок, а все равно убедила себя в обратном.

— Обсудим теорию с утра, хорошо? — зовет лектор.

Хочу вылететь за дверь и отчитать его за бесчувственность.

Но не сделаю этого. Достоинство не позволит.

Как пощечина, напоминание о том, кто он на самом деле и почему я держала дистанцию. Знала, что он холодный бабник, но разум не связал это с женщиной, с которой спала.

Поворачиваюсь к окну, смотрю, как ветер треплет деревья.

Чувствую себя... номером в списке. Дешевкой.

Десять вечера, я тащусь в свой номер. По коридору плетусь на уставших ногах — мечтаю о долгом горячем душе. После конференции пошли пить, потом это перешло в ужин. Они все еще там, но мне не до веселья.

Добро пожаловать в мир случайного секса, Саша, где единственное правило — никаких правил. Провожу картой, вхожу — и хмурюсь. На столе огромный букет алых роз, к красной ленте приколот белый конвертик.

Глава 6

Сердце колотится — из-за него.
 Нервнорываю карточку.
 У НАС НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ДЕЛА.
 ПРИЛЕТАЙ В ГЕЛЕНДЖИК НА ВЫХОДНЫЕ.

— Что? — шепчу.
 Плюхаюсь на кровать, уставившись на карточку.
 Это совсем не то, чего я ждала. После того как весь день мысленно кидала в него кинжалы, сейчас я обескуражена. Читаю снова, обдумывая предложение.
 В Геленджик, блин? Дети дома ждут.
 Представляю три дня... наедине с ним... могло бы быть весело.
 Хочу поехать.
 Но не могу. Хватит, Саша, пора это оставить.
 Тяжело выдыхаю, ставлю чайник.

Телефон пикает — сообщение от Константина.
 Ты уже в номере?

Мягко улыбаюсь, кладу телефон на столик. Ждет звонка с благодарностью. Подхожу к розам, касаюсь лепестков — огромные шапки, сильный аромат. Вдыхаю.
 Так неожиданно.
 Хорошо сыграно, Константин Владимирович. Хорошо сыграно.

Звоню маме проверить, как там дети.
 — Привет, милая, — по ее голосу слышу, что она улыбается.
 — Привет, мам. Как вы там?
 — Прекрасно проводим время. А ты?
 — Нормально. — Хожу туда-сюда, полная нервной энергии. — Дети дома?
 — Нет, все на трениров-

ках. Ведут себя как ангелы.
 — Слушай, мам... — закрываю глаза. Что я творю? — Мне предложили продолжение конференции в Геленджике на выходных. Но, думаю, не поеду.
 — Почему?
 — Слишком много прошу от тебя.
 — Да брось. Езжай, солнышко. Мы с мальчиками отрываемся. Мне без разницы, когда ты вернешься.
 — Правда? — хмурюсь.
 — Конечно. Обожаю проводить время с ними. Расслабься, повеселись. Ты это заслужила.
 — А папа? Будет переживать.
 — У него все нормально, он счастлив.
 Улыбаюсь — надежда расцветает в груди.
 — Уверена?
 — Абсолютно.
 — Ладно... подумаю. Скажу завтра, можно?
 — Конечно. Поздно уже. Спи, позвони завтра. Но я за — в Геленджике хорошо, ты там не была.
 — Ну да. — Пожимаю плечами.
 — Пока. — Она кладет трубку.

В тумане иду в ванную, включаю горячую воду. Нужно искупаться, все обдумать.
 Через час выливаю воду, доливаю холодную, сливаю — повторяю. Мозг работает на скорости миллион километров в час.

Константин — бездушное чмо, ушел без прощания.
 Но... розы прислал.
 Не нужны мне розы, мы не такие... но, может, просто хотел нормально попрощаться?
 Дурак... но веселый дурак. Или это маска, и я купилась полностью?
 Боже, я запуталась.

Если поеду — смех и веселье гарантированы.
 Если нет — не привяжусь.
 Он плейбой. У него десяток баб.

Не тот тип, к кому стоит цепляться.
 Но с ним так весело.
 Два вечера хохотали без остановки — было хорошо, даже зная, что это временно. В тот миг правда было хорошо.

Будущего нет, это ясно. Мы из разных миров.
 Могу ли я провести выходные, зная это? Обдумываю.
 Сердечных мук хватит. Может, пора рискнуть? Нет, безопаснее не ехать. Зачем тянуть одноразовые отношения? Уже и так растянули на две ночи. Достаточно.

Звонит телефон — Константин.
 Закрываю глаза, беру:
 — Алло.
 — Саша.
 Лицо расплывается в улыбке от одного голоса.
 — Чего надо? — поддеваю.
 Он хмыкает:
 — Звоню узнать, дошла ли моя доставка.
 — А? Нет, я в номере Никиты.
 — Какого хрена? Надеюсь, врешь. — Фон шумный, бар какой-то.
 Хихикаю:
 — Красивые.
 — Ну?
 — Ну и что?
 — Прилетай в Геленджик. Проведи выходные со мной.
 Молчу.
 — Один из моих любимых городов. Покажу тебе все. Прогуляемся.
 — Ты же на работе?
 — Только завтра утром. — Лед в стакане звенит.
 — Где ты?
 — В отельном баре.
 — Охотишься на следующую жертву? — дразню.
 — Здесь нет той, что мне нужна.
 Прикусываю губу, слушая.
 — Ты мне нужна, Саша.
 — Не вздумай становиться сентиментальным и прилипчивым.
 — Я не про сентиментальность. В моей душе грязно и жестко.
 Идиотски улыбаюсь:
 — Не знаю, смогу ли переоформить билеты.

— Организую корпоративный джет. Заберет тебя.
 — У тебя самолет? — хмурюсь.
 — Корпоративный.
 Молчу, думаю.
 — Ну?
 — Спасибо за розы, — шепчу, меняя тему.
 — Не за что. С ресепшена выкидывали, жалко — доброе дело сделал.
 Улыбаюсь его наглой лжи.
 — Давай, Андреева, не заставляй просить.
 — Ладно.
 — «Ладно»... как обязанность? — фыркает. — Хоть сделай вид, что рада.
 — Не терпится провести выходные под вами, Константин Владимирович.
 Он хохочет:
 — Вот это моя девочка. Позвоню завтра и сообщу время вылета.
 — Хорошо.
 — Ах да... Саша, — будто между прочим.
 — Да?
 — Сегодня поделай упражнения Кегеля. Хочу, чтобы была тугая.
 Взрываюсь смехом:
 — Идиот.
 — Сама такая.
 — Пока, Костя. — Улыбаюсь.
 Связь обрывается.

Швыряю телефон на полотенца, зажимаю рот руками.
 Я должна была сказать «нет».
 Но план рухнул.

Глава 7

Самолет медленно останавливается на взлетной полосе Геленджикского аэропорта. Нервы на пределе. Уже знаю: это самое глупое, что я когда-либо делала, — и это еще даже не началось.

Анастасия, стюардесса, тепло улыбается:
 — Надеюсь, полет прошел хорошо?
 — Да, спасибо.

Оглядываюсь — ничего не забыла? Самолет какой-то абсурдный. Роскошь на всех фронтах, и, если на миг забываю, кто такой Константин, — мне тут же напоминают.

Орлов.
 Наследник крупнейшей медиаимперии, из одной из богатейших семей России.

А неделю назад... я его ненавидела... и, может, все еще ненавижу.
 Но в нем есть что-то, от чего хочется еще.

Чувствую себя душой. **Достаточно** пары шуток и капли жалости — и я в его объятиях, вытворяю невозможное. Если хотела будущего, ушла бы сейчас, поиграла в недотрогу.

Но не хочу.

Знаю, что это такое — один выходной вне рутины, грязный эпизод с конференции. И мне это нормально. На самом деле — даже больше, чем нормально.

Испытываю облегчение.
 Не нужно впечатлять, верить его словам, притворяться кем-то другим.

Он веселый, удобный, с ним удивительно комфортно —

будто надеваешь любимые тапочки. Его сексуальные таланты — приятный бонус.

Живот сжимается от укола вины — за то, что здесь, за секс с другим мужчиной.
 За то, что люблю каждый его жесткий сантиметр и хочу еще.

Это должно было быть на один раз.

Вспоминаю слова Маши перед отъездом. Разве не должна жить для себя и Вадима?
 Если бы я умерла, не хотела бы, чтоб Вадим остался нетронутым и несчастным.
 Хотела бы видеть его счастливым, реализованным мужчиной.

В воскресенье вечером вернемся в Москву — и больше не увидимся. Я вернусь обновленной, с запасом секса на пять лет вперед. Честно, горжусь, что наконец сделала что-то для себя.
 Это так не в моем стиле.

— Машина ждет вас, Александра, — говорит Анастасия.
 — Спасибо. — Спускаюсь по трапу на асфальт. Черный BMW.

Водитель улыбается, открывает дверь:
 — Прошу. — Сажусь.

Он садится за руль, трогается.

Константин уже звонил — встреча затянулась, встретит в отеле. Улыбаюсь, вспоминая, как брала трубку за столиком с его поклонницами — ни одна не подозревала, что мы спали.

Все кажется таким порочным.
 Таким не похожим на меня.

Сжимаю сумку на коленях до побелевших костяшек. Ды-

хание дрожит — пытаюсь успокоиться.
 Самое безумное и спонтанное из того, что я делала.

Через полчаса подъезжаем к отелю, смотрю в окно на вывеску.

Отель «Аврора» на Черном море

— Ничего себе... вот это шик, — бормочу себе под нос, когда машина подкатывает ко входу. Огни, стекло, мрамор — как из рекламного ролика.
 — Приехали, — водитель поворачивается ко мне с легкой улыбкой.

Я уже тянусь к сумочке за кошельком.
 — Нет-нет, все уже оплачено, — он тут же выходит из машины. Открывает багажник, достает мой чемодан и катит его к швейцару у дверей.

Высокий мужчина в безупречной белой форме швейцара приветливо кивает:
 — Прошу вас, Александра Павловна.

— Спасибо, — улыбаюсь водителю, когда он возвращается к авто.
 — До свидания, — машет он мне рукой, прежде чем исчезнуть в потоке.

Швейцар провожает меня до ресепшена, и я оглядываюсь. Вестибюль утопает в бежевом мраморе: теплая подсветка, по стенам — огромные абстрактные полотна.

Повсюду стоят гигантские вазы со свежими цветами. Такое ощущение, будто я попала на подготовку к какой-то безумно дорогой свадьбе.

— Чем могу помочь? — девушка за стойкой **дежурно**,

но вежливо улыбается.
 — Я к Константину Орлову, — сжимаю лямку сумки в пальцах.

Она что-то печатает:
 — Ваша фамилия, пожалуйста?
 — Андреева. Александра Андреева.
 — Да, — кивает. — Вас ожидают. Можно ваш паспорт?

Я протягиваю документ. Она внимательно сверяет данные, вбивает номер в систему и вытаскивает карту-ключ.
 — Вы размещены в люксе «Аврора» на седьмом этаже. Хотите, вас проводят наверх?
 — Нет, спасибо, — улыбаюсь. — Справлюсь.

Лифт доезжает до седьмого этажа, и я тихо вздыхаю. Даже лифт выглядит дороже, чем моя квартира: мягкая подсветка, зеркало в золотистой раме, панели под дерево.

Поправляю волосы. В животе — легкое волнение. Двери разъезжаются.

Господи...

Под ногами — пушистый ковер, по потолку тянутся хрустальные люстры, настенные бра отбрасывают теплый свет. Это всего лишь коридор. Иду, считая номера, пока не найду нужный.

Стучать?
 Да ну его. Вперед.

Провожу картой, дверь щелкает, я вхожу — и замираю, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Это не номер. Это полноценные апартаменты. Высокие потолки, просторная гостиная в кремово-белой гамме, дальше — столовая зона, где-то в глубине виднеется спальня.

Огромные панорамные окна и двери выводят на террасу с видом на Черное море, огни набережной и города. Как в кино. Только лучше.

По стенам — большие зеркала в серебряных рамах, посередине комнаты — белые диваны. Белые диваны, серьезно? Как их вообще можно содержать в чистоте?

— Эй? — неуверенно окликаю пространство.

С террасы доносится мужской голос, уверенный, деловой. Я ставлю сумочку на консоль у входа и иду к стеклянным дверям. По обеим сторонам — длинные белые шторы в пол.

— ...нам нужен ответ до конца недели, чтобы дальше двигаться по сделке, — слышу его ровный голос.

Я выглядываю на террасу.

Константин стоит боком ко мне, одной рукой опираясь о перила, в другой — телефон. Легкая рубашка, рукава закатаны, на запястье часы. Он спокойно что-то докладывает этим своим лекторским тоном. Ему этот формат, похоже, так же привычен, как мне утренний кофе.

Он поднимает взгляд, замечает меня — и на лице появляется та самая притягательная улыбка. Поднимает палец: секунду.

Картинка обжигает воспоминанием — первый день нашей встречи: идеальный дорогой костюм, телефон у уха, рука в кармане брюк, уверенная походка. Дежавю.

Опускаю глаза, тут же вспоминая, что вообще-то не одобряю ни его образ жизни, ни то, чем он зарабатывает свои

миллиарды.

Господи, Саша... что ты творишь? Неужели нельзя было найти кого-то попроще, чтобы вернуться в игру?

— Мне надо заканчивать, — говорит он в трубку и, не сводя с меня взгляда, подмигивает. Губами беззвучно добавляет:
— Минутку.

Я театрально закатываю глаза, изображая нетерпение, хотя на самом деле могла бы слушать его английский весь вечер.

— Хватит, — молча прошу губами.

— Хорошо, я свяжусь с вами с утра. Отчет нужен к понедельнику, — произносит он своим низким голосом.

Я снова беззвучно шепчу:
— Быстрее.

Он прикусывает нижнюю губу, скрывая улыбку, поднимает ладонь — мол, сейчас получишь по попе.

— Обещания, обещания, — шепчу в ответ.

Он проходит мимо меня в апартаменты, все еще не заканчивая разговор:
— Да, пожалуйста. Хорошо.

Через пару секунд возвращается с ведерком льда и бутылкой шампанского, в другой руке — два тонких бокала флюте. Телефон зажат плечом, он ловко срывает фольгу, выстреливает пробку и разливает шампанское.

Наклоняется, целует меня мягко, быстро и протягивает один бокал.

Я бесшумно шевелю губами:
— Спасибо.

Он целует еще раз, как будто не может остановиться, а в

трубке женский голос тараторит по-английски, выдавая по листу задач в минуту.

— Кто это? — шепчу, морща лоб.
— Моя ассистентка, — беззвучно отвечает он, слегка мотая головой, мол, когда она уже закончит. — Да-да, мы поговорим об этом в понедельник. Мне реально уже пора, пока, — говорит он вслух.

Она, судя по интонации, продолжает что-то пояснять. Он закатывает глаза, делает глоток шампанского и терпеливо слушает.

Я делаю первый глоток — холодные пузырьки приятно обжигают язык, вкус чистый, яркий.
О да.
По виду и аромату — явно не дешевое игристое из супермаркета.

— Все, мне пора. Хороших выходных, пока, — наконец произносит он и отключается. Телефон тут же кладет на стол экраном вниз. Затем поворачивается ко мне.

— Наконец-то, — хмыкаю.

Он притягивает меня ближе, ладони на бедрах.
— Андреева, — улыбается сверху вниз, легко прижимая меня к себе бедрами. — Какая встреча. Не ожидал тебя здесь увидеть.

Улыбаюсь глуповато — он выше меня почти на голову, ростом под метр девяносто. Темные волосы чуть растрепаны, как будто специально — идеальный творческий беспорядок. Губы — идеальный оттенок «поцелуй-меня-срочно».

— Пожалела тебя, — пожимаю плечами. — Это свидание из жалости. — Обвожу взглядом апартаменты. — Не уверена

только, выдержи ли целые выходные в этой... халупе.

Он усмехается:
 — Обожаю твою наглую пасть. —
Еще раз чуть толкает меня бедрами. — Пожалуй, мне придется занять ее каким-то делом.

Я смеюсь, он снова целует — глубже, с языком, и это прикосновение тут же отзывается внизу живота: словно он скользнул не только в рот, но и гораздо ниже. Внутри все сжимается от предвкушения.

Он отстраняется, разворачивается к окну и морю.
 — Добро пожаловать в Геленджик, — кивает на ночной вид: Черное море, огни курорта, сияющая линия набережной.
 — Ага-ага, — улыбаюсь, подыгрывая.

Мы садимся за небольшой круглый стол у окна, он доливает мне шампанское.
 — Как долетела?
 — Хорошо, — отвечаю и тут же прищуриваюсь. — У тебя ассистентка — иностранка?
 — Ага, — пожимает плечами. — Я провожу много времени и здесь, и в Европе, логично иметь англоязычную.
 — Насколько «много»?

Он чешет затылок, прикидывая:
 — Ну, месяца четыре-пять в году, — говорит так, будто речь о даче.
 — Ты треть года живешь не в Москве? — уточняю, приподнимая брови.
 — Ну да, — делает глоток. — Мы с братьями, Елисеем и Климом, делим между собой региональные офисы — в Питере, в Екатеринбурге. По очереди. Чтобы кто-то из нас всегда был на месте.
 — А почему просто не закрепить за каждым по стране?
 — Потому что тогда, —

он медленно крутит бокал, — мы все жили бы поодиночке на разных концах света. А так — одна и та же работа, общая ответственность, и мы постоянно видимся, пересекаемся, не теряем связь.
 — Вы так близки с братьями?
 — Конечно, — он даже хмурится, будто вопрос странный. — Они мои лучшие друзья. Мы давно уже, по сути, одни.
 — Одни? — переспрашиваю. — Я думала, твои родители живы.
 — Да, живы, — кивает он. — Но я про другое... — Запинается, подбирая слова. — Нас с детства отправили учиться за границу в закрытую школу. Мы с братьями жили в одной комнате, и, по сути, почти всегда были только мы четверо.
 — Понятно... — Я пригубливаю шампанское, и вдруг внутри поднимается тысяча вопросов о его детстве, о том, каким он был мальчишкой. — А почему именно пансион?
 — Из-за языков, — пожимает плечами. — И не только.
 — Вы все говорите на нескольких?
 — Да. В нашей сфере без этого никуда, — он глубоко выдыхает, смотрит на темное море за окном. — Нас с детства готовили к тому, что мы возьмем на себя бизнес. Не было такого времени, чтобы... — Он обрывает фразу, будто вовремя одернул себя. Тема явно для него не самая приятная.
 — Ну, тогда все становится ясно, — мягко вмешиваюсь.
 — Что именно?
 — Почему ты такой бесстыдный тип, который грязно разговаривает, — улыбаюсь. — У тебя в детстве, похоже, с дисциплиной было туго.
 Он улыбается уголком губ.
 — Бьюсь об заклад, вы там всех воспита-

тельниц по очереди соблазняли, — поддеваю.
 Он откидывает голову и громко смеется:
 — Елисей — да, кстати. Если вспомнить...
 — Серьезно? — округляю глаза. Елисей — его старший брат, глава холдинга.

Мы оба смеемся, его взгляд задерживается на моем лице чуть дольше, чем просто «повеселиться».

— Ну ладно, — я ставлю бокал на стол. — Раз уж ты меня сюда затащил, Константин Владимирович, что собираешься со мной делать?
 — Хм, — его глаза цепляются за мои. — Тут вариантов много, если честно.

Я улыбаюсь.
 — У тебя три опции, Андреева.
 — Внимательно слушаю.
 — Во-первых, можно занять делом твой дерзкий умный ротик.

Я не могу сдержать улыбку. Звучит, честно говоря, очень даже неплохо.

— Во-вторых, ты можешь нагнуться, а я покажу тебе свою версию местной «Эйфелевой башни», — кивает куда-то в сторону окна.

Фыркаю, качаю головой. Ну где он берет все эти формулировки?

— Или, — он делает глоток шампанского и небрежно пожимает плечами, — придется отвести тебя на ужин и танцы. Что-то смертельно скучное.

Улыбаюсь ему в ответ через стол.

Он поднимает бровь с вызывающе-сексуальным видом:
 — Ну?

Щурюсь, делая вид, что серьезно размышляю:
 — Выбираю ужин и танцы, спасибо.

Он закатывает глаза:
 — Знал, что выберешь это. Ты скучная. Ну зачем танцевать, когда у тебя есть шанс заняться куда более интересными вещами со мной?

Я смеюсь громко, непринужденно. Разговоры с этим мужчиной — отдельный жанр.

— Что? — он криво усмехается.

Несколько секунд просто смотрю на его красивое лицо.
 — Константин Владимирович, честное слово, я никогда не встречала никого, похожего на тебя.
 — Взаимно, — он поднимает бокал. — Предлагаю тост.

Я чокаюсь с ним и осушаю почти полбокала.
 — За... глотание, — совершенно серьезно произносит он.

— Что? — я захлебываюсь и расплескиваю шампанское по столу, разражаясь смехом. — Ты сегодня зациклен только на одном.

Он откидывается на спинку стула, в глазах искры:
 — Потому что не могу выбросить это из головы.
 — Костя... — наклоняюсь вперед.
 Он зеркально тянется ко мне:
 — Да, Саша?
 — Веди себя хорошо — и, может быть, получишь то, что хочешь.

Его взгляд темнеет:
 — Или я буду вести себя плохо и все равно получу свое.

Воздух между нами искрит, мы смотрим друг другу в глаза, и где-то глубоко под ребрами поднимается волнение.

Кажется, эти две реплики — идеальное описание Константина Орлова.

Я могу сколько угодно убеждать себя, что контролирую ситуацию.
 Мы оба знаем — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.